

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Федюкин И.И., Корчмина Е.С.

**Местные агенты государства в России
в раннее Новое время.**

Москва 2014

Аннотация. Настоящий препринт составляют разделы по трем проблемам:
А) Подушная подать в России как показатель эффективности государства.
Б) Описание данных и оценка общего уровня недоимочности в послепетровский период
В) Факторы, влияющие на собираемость подушной подати в послепетровский период

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2013 год.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Список сокращений.....	3
2. ВВЕДЕНИЕ. ЭФФЕКТИВНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПРЯМОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ	4
3. Становление государства: Война и налоги.....	11
4. Подушная подать в России: Показатель эффективности государства..	14
5. Описание данных и оценка общего уровня недоимочности в послепетровский период.....	17
6. Факторы, влияющие на собираемость подушной подати в послепетровский период	24
7. Заключение.....	35
8. Список источников и литературы.....	40
9. Приложения	43

1. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА - Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

2. ВВЕДЕНИЕ. ЭФФЕКТИВНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПРЯМОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Презумпция институциональной слабости российского государства в исторической перспективе стала общим местом, в том числе и в массовой культуре, однако наши представления о ней ограничиваются в основном анекдотическими примерами. Примеры эти могут выглядеть убедительными в контексте наших общих представлений о прошлом – убедительными, кстати, и для профессиональных историков, имеющих опыт архивной работы с делопроизводственными комплексами правительственных учреждений прошлого, где отложилось, конечно, множество примеров такой слабости.

Однако в какой степени эти примеры, безусловно, весьма многочисленные и зачастую весьма красочные, отражают общую ситуацию, мы, в действительности, представляем себе довольно плохо. Попыток систематического изучения дееспособности российского государственного аппарата в прошлом, а тем более, сравнительного изучения такой дееспособности на фоне других стран, до сих пор не предпринималось. Единственным, пожалуй, исключением в этом смысле может считаться работа Стивена Величенко, где сравнивается абсолютная и относительная (в пересчете на размер населения) численность чиновников и военного персонала в России императорского периода и основных европейских державах-конкурентах ¹. Автор приходит к выводу об общей «недоуправляемости» России, однако если говорить о раннем периоде, то оказывается, что накануне петровских реформ Россия с ее 2739 «чиновниками» центральных правительственных учреждений находилась примерно на одном уровне по относительной численности управленцев (1 на 3500 человек в России против примерно 1 на 4000 человек в Англии). В самом общем виде этот вопрос затрагивается также в недавней статье К. Карамана и С. Памука, но приводимая ими статистика хотя и может быть использована для построения самых общих экономических моделей, едва ли удовлетворительна с точки зрения историка ². В целом, имеющиеся на сегодня данные говорят очень мало о реальной степени управляемости государства, но как минимум, привлекают наше внимание к необходимости более серьезного изучения вопроса.

¹ *Velychenko S.* The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Neue Folge, Bd. 49, H. 3, 2001, pp. 346-362

² *Karaman K., Pamuk S.* Different Paths to the Modern State in Europe: The Interaction Between Warfare, Economic Structure, and Political Regime. *American Political Science Review*, 2013, 107, pp 603-626

Понятие дееспособности, или эффективности государства (state capacity), занимает одно из центральных мест в современной экономической, политологической и исторической литературе, посвященной изучению процессов становления и функционирования государственности³. В российской политологии сложилась традиция переводить термин state capacity как «способность государства»⁴, однако такой перевод трудно признать вполне удачным, по крайней мере, в наших целях. По всей видимости, более адекватно смысл описываемого понятия отражал бы оборот «дееспособность государства» или «эффективность государства», имея в виду эффективность как «effectiveness», то есть *способность государства последовательно и устойчиво реализовывать те или иные государственные функции (в том числе, и способность и готовность правительства предоставлять общественные блага и перераспределять часть ресурсов в пользу определенных слоев населения)*, хотя вовсе не обязательно способность реализовывать ее с оптимальными издержками (эффективность как «efficiency»). *К таким ключевым функциям относят, прежде всего, способность собирать налоги и способность обеспечивать функционирование рынков, то есть, обеспечивать необходимое понуждение сторон к соблюдению контрактных обязательств.*

Интерес со стороны экономистов к проблеме эффективности государства как ключевому условию успешного экономического развития – явление относительно недавнее. Классические экономические модели второй половины 20 века предполагали как данность наличие государственных институтов, способных и взимать налоги, и обеспечивать функционирование рынков, в первую очередь, соблюдение контрактов. Специальные экономические работы, посвященные проблемам оптимального уровня налогообложения, учитывали проблему асимметричности информации, однако так или иначе исходили из наличия бюрократии, способной и согласной реализовывать любую избранную правительством фискальную модель. Неадекватность такого предположения, разумеется, покажется историкам самоочевидной, однако для экономистов она становится общим местом лишь в последние годы⁵. Вполне наглядно это проявляется при

³ Литература по этой теме огромна. Среди ключевых классических работ, задающих рамки дискуссии, можно упомянуть: *Tilly Charles, War making and State Making as Organized Crime*, in Evans, Peter, Rueschemeyer, Dietrich, and Theda Skocpol (eds.), *Bringing the State Back In*, Cambridge University Press, 1985; *Levi, Margaret, Of Rule and Revenue*, University of California Press, 1988; *Brewer, John, , The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688-1783*, 1989, Knopf; *Migdal, Joel S., Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*, Princeton: Princeton University Press, 1988; *Besley, Timothy and Torsten Persson, Wars and State Capacity*, *Journal of the European Economic Association* 6, 2008, b, 522-530.

⁴ Сморгунов

⁵ См., в особенности, *Daron Acemoglu, Politics and economics in weak and strong states*, *Journal of Monetary Economics*, Volume 52, Issue 7, October 2005, Pages 1199–1226; *T. Besley, T. Persson, The Origins of State Capacity: Property Rights, Taxation and Politics*,

изучении развивающихся стран и несостоявшихся государств, где отсутствие дееспособного государства особенно ярко бросается в глаза. В подобных государствах образуется порочный круг, когда неспособность правительства собирать налоги не позволяет ему поддерживать необходимую инфраструктуру, обеспечивающее функционирование рынков, что в свою очередь, делает невозможным экономическое развитие, а значит, и подрывает налогооблагаемую базу⁶. Важным при этом подходе становится вопрос об условиях формирования такой политической конфигурации, когда правитель или правящая коалиция были бы заинтересованы не столько направлять средства на распределение краткосрочных рент, но и инвестировать в повышение дееспособности государственного аппарата, построение инфраструктуры государственного управления; при этом теоретики отмечают, что построение дееспособных государственных институтов повышает и потенциальную ренту, которую может дать неограниченный контроль над ними, а значит, и соблазн установить такой контроль со всеми вытекающими отсюда рисками.⁷ Изучение процессов фискальной централизации в Европе Нового времени (17 – начало 20 вв.) показывает, что формирование фискальных институтов и повышение доли ВВП, изымаемой в виде налогов, шли рука об руку с установлением контроля за расходованием этих средств через парламентские механизмы. Предполагается, что подобный компромисс между правителем и подданными повышал прозрачность и предсказуемость расходования средств, а значит – готовность населения платить более высокие налоги (а финансистов – кредитовать государства под более низкие проценты), которые, в свою очередь, с большей вероятностью направлялись на построение более эффективного государственного аппарата и в целом, инфраструктуры рынков, создав основу для экономического отрыва Западной Европы от остального мира⁸. Существенно, однако, что экономическое развитие, рост эффективности государства и формирование политических институтов определенного типа рассматривается не в рамках поиска однонаправленных связей (когда одно из этих условий предшествует другому), но как

American Economic Review, 99(4), 1218-44, 2009; T. Besley, T. Persson, State Capacity, Conflict and Development, Econometrica, 78, 1-34, 2010.

⁶ Joel S. Migdal, Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988. См. также Deborah Brautigam, Odd-Helge Fjeldstad, and Mick Moore. Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Этому, как и другим аспектам проблемы посвящена огромная литература, приводить хоть сколько-нибудь подробный обзор в данной работе невозможно. Поэтому здесь и далее мы ссылаемся или на работы, содержащие наиболее полные и свежие обзоры литературы по проблеме, или представляющие собой яркий пример той или иной тенденции.

⁷ См., в частности, Acemoglu D., Ticchi D., Vindigni A. Emergence and Persistence of Inefficient States, Journal of the European Economic Association, (2011), 9: 177–208.

⁸ Dincecco M Political Transformations and Public Finances: Europe, 1650-1913. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

коррелирующие друг с другом равноправные элементы процесса ко-эволюции⁹.

Современная экономическая литература имеет склонность выделять в рамках общей «эффективности государства» все больше различных подвидов, отражающих способность государства выполнять ту или иную функцию. Центральными для формулировки самого понятия «эффективность государства», однако, являются, во-первых, способность обеспечивать поступление необходимых финансовых средств, в первую очередь, сбор налогов (иногда называемая также *fiscal capacity*, «фискальная дееспособность»), и способностью обеспечивать функционирование экономических рынков, то есть, прежде всего, обеспечивать соблюдение участниками рынка своих обязательств по отношению друг к другу (контрактов) и установленных государством регулирующих норм (*legal capacity*, «правовая дееспособность»). Выделение этих двух аспектов связано и с теоретическими представлениями – с их предполагаемой ролью в формировании государственных институтов и экономическом развитии; и с тем, что именно по ним мы имеем в нашем распоряжении (по крайней мере, потенциально, в виде архивных документов) наиболее подробную статистику.

Выделение необходимости обеспечить собирание налогов в качестве ключевого фактора формирования государственных институтов имеет давнюю историю и восходит, как минимум, к Дж. Шрумпетеру и является центральным для современной исторической социологии, в первую очередь, для работ Ч. Тилли, а также М. Леви и других: обобщая эту точку зрения, Т. Скочпол пишет, что «a state's means of raising and deploying financial resources tell us more than could any other single factor about its existing (and immediately potential) capacities to create or strength state organization, to employ personnel, to coopt political support, to subsidize economic enterprise, and to fund social programs».¹⁰

Тезис о центральности фискальных процессов для понимания процессов становления государства хорошо смыкается с концепцией «военной революции» раннего Нового времени, обращающей внимание на изменение методов ведения войны в Европе этого периода¹¹: на смену

⁹ *Besley T., Persson T. The Origins of State Capacity: Property Rights, Taxation and Politics, American Economic Review, 99(4), 1219-20.*

¹⁰ *Schumpeter, J. A. The Crisis of the Tax State. Graz, Leipzig : Leuschner and Lubensky, 1918; Charles Tilly, War Making and State Making as Organized Crime, in Bringing the State Back In, Peter B. Evans, Dietrich Rueschmeyer, Theda Skocpol, eds., (Cambridge University Press, 1985): 169-191; Charles Tilly, Coercion, Capital, and European States, A.D. 990-1990 (Blackwell, 1990); Margaret Levi, Of Rule and Revenue (Berkeley: University of California Press, 1988). Skocpol, Bringing the State Back In, 17*

¹¹ Так называемой «военной революции», или «революции в военном деле» (military revolution) посвящено огромное количество работ. К ключевым относятся: *Geoffrey Parker, The "Military Revolution," 1560-1660- a Myth?, Journal of Modern History, 48, 2 (Jun., 1976), 195-214; Jeremy Black, A military revolution?: Military change and European society, 1550-1800, (Humanities Press, 1991); Brian M. Downing, The military revolution and political*

полуфеодальным ополчениям приходят профессиональные армии, контролируемые и финансируемые напрямую королями. Армии эти становятся постоянными, растет их численность, на порядки усложняются и дорожают их вооружение и содержание. Французская армия выросла с 50 000 человек в 1555 году до 100 000 человек в 1655 и 350 000 человек в 1710. Английская армия за тот же период выросла с 20 000 до 75 000 человек. Одновременно росли в размерах, усложнялись и становились более дорогими пушки, крепости, верфи и т.д. В результате во Франции с 1628 по 1768 гг. расходы на войну и обслуживание государственного долга (а государственные займы также использовались почти исключительно для финансирования войн) составляли от 71% до 95% всех государственных расходов, а в Англии с 1689 по 1783 год – от 61% до 74% всех государственных расходов¹². В итоге, концепция «военной революции» является сегодня общепринятой, хотя историки и спорят о деталях и точном времени данной трансформации, а также о применимости данной концепции к другим регионам¹³. В результате, в исторической литературе постулируется существование особого типа политико-экономических режимов – «фискально-военного государства» (fiscal-military state)¹⁴.

change: origins of democracy and autocracy in early modern Europe (Princeton University Press, 1992); *Geoffrey Parker*, The military revolution: military innovation and the rise of the West, 1500-1800 (Cambridge University Press, 1996); *Clifford J. Rogers*, The military revolution debate: readings on the military transformation of early modern Europe (Westview Press, 1995); *Jeremy Black*, Military Organizations and Military Change in Historical Perspective, *Journal of Military History*, 62, 4 (Oct., 1998), 871-892. Смотри также, среди прочих: *MacGregor Knox*, *Williamson Murray*, The dynamics of military revolution, 1300-2050 (Cambridge University Press, 2001); *Frank Tallett*, War and society in early-modern Europe, 1495-1715 (Routledge, 1997); *David Eltis*, The military revolution in sixteenth-century Europe (I.B.Tauris, 1998). Концепция «революция в военном деле» применительно к России рассматривается, среди прочего, в: *Robert I. Frost*, The northern wars: war, state, and society in northeastern Europe, 1558-1721 (Longman, 2000); *Michael C. Paul*, The Military Revolution in Russia, 1550-1682, *Journal of Military History*, 68, 1 (January 2004) 9-45; *Jarmo Kotilaine*, *Marshall Poe*, eds., *Modernizing Muscovy: reform and social change in seventeenth-century Russia* (Routledge, 2004).

¹² *Hoffman Philip T.*, *Rosenthal John-Laurent*. The Political Economy of Warfare and Taxation in Early-Modern Europe: Historical Lessons for Economic Development, *Frontiers of the New Institutional Economics*, *John Droback*, *John Nye*. Eds. (Academic Press, 1997): 31-55.

¹³ Среди работ посвященных не-европейским регионам, см., например, *Jos J. L. Gommans*, *Mughal warfare: Indian frontiers and highroads to empire, 1500-1700* (Routledge, 2002); *Gábor Ágoston*, *Guns for the sultan: military power and the weapons industry in the Ottoman Empire* (Cambridge University Press, 2005); *R. Huang*, The Ming Fiscal Administration, in *The Cambridge History of China*, edited by J. K. Fairbank and D. C. Twitchett Cambridge, Cambridge University Press, 1998), vol. 8:106-171.

¹⁴ Смотри *J. Brewer*, *The Sinews of Power. War, Money and the English State, 1688–1783* (London, 1988); *Jan Glete*, *War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal-military States, 1500-1660* (Routledge, 2001) и в сборнике статей *C. Storrs* (ed.), *The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: Essays in Honour of P.G.M. Dickson* (Farnham, England: Ashgate, 2009), включающий главу, посвященную России. Применительно к России концепция «фискально-военного

Обобщая, в современной научной литературе в области экономики, социологии, истории, политологии можно выделить несколько ключевых тем и направлений изучения истории развития фискальных систем как ключевого фактора становления современной государственности. Темы эти, впрочем, не являются взаимоисключающими и, как правило, сосуществуют в исследовательских работах в различных комбинациях¹⁵.

Во-первых, это исследования взаимосвязей между развитием фискальной системы и экономическим развитием. Повышение уровня налогообложения и усложнение структуры налогообложения идут рука об руку с ростом экономики и расширение налоговой базы: в общем виде, появляются новые подлежащих налогообложению источники деятельности, происходит переход к более сложным видам налогов – от делегирования роли налоговых агентов местным элитам или откупщикам к формированию централизованной налоговой бюрократии; появляются более сложные в сборе виды налогов, предполагающие более сложные механизмы мониторинга налогоплательщиков и оценки налогооблагаемой базы – от налогов на конкретные виды товаров (соль, водка, и так далее) к общим налогам на добавленную стоимость, от подушного или подворного налогообложения к подоходному налогу и так далее.

Во-вторых, отдельной темой для исследований являются ценностные установки – восприятие налогообложения населением, уровень доверия между государством и налогоплательщиками. С одной стороны, здесь выделяются установки, не связанные с текущими действиями правительства: в частности, устоявшая традиция уплаты десятины или ее мусульманских эквивалентов могут подразумевать и более высокую легитимность в глазах населения и светских налогов, формирование привычки к таким выплатам. С другой стороны, готовность платить налоги может определяться восприятием легитимности государства и его налоговых требований, справедливостью и прозрачностью налоговой системы, ожиданиями, что деньги налогоплательщиков будут потрачены эффективно и в целях, воспринимаемых населением как легитимные, и наоборот.

В-третьих, «беллицистский» подход подчеркивает роль войны и внешних угроз как движущей силы развития фискальной системы. Предполагается, что в общем случае рост численности армии и ее стоимости, переход к постоянной армии требовал и кардинального повышения, как

государства» в той или иной степени вводится также в работах *Chester L. Dunning*, *Russia's First Civil War. The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty* (Pennsylvania State University, 2001); *Eric Lohr, Marshal Poe*, eds., *The Military and Society in Russia 1450-1917* (Leiden, 2002); *Sergey. Bogatyrev*, *Localism and Integration in Muscovy*, in *S. Bogatyrev* (ed.), *Russia Takes Shape* (Helsinki, 2005); *Chester L. Dunning, N. S. Smith*, *Was Early Modern Russia a Fiscal-Military State?*, *Russian History* 1 (2006), 19- 44.

¹⁵ См. *Deborah Brautigam*, *Introduction: taxation and state-building in developing countries*, *Deborah Brautigam, Odd-Helge Fjeldstad, and Mick Moore*, *Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 1-33.

объемов, так и регулярности налоговых поступлений. Это в свою очередь, требовало формирования налоговой инфраструктуры, централизации фискальной системы и формирования профессиональной налоговой службы. В этом смысле в качестве одного самых ранних и ярких примеров «веберовской» бюрократии выступает созданный в 17 веке британский налоговый офис с его кодифицированными внутренними правилами и регуляциями, высокооплачиваемыми, обученными чиновниками, рекрутируемыми на основании меритократических принципов и организованными в рамках четкой иерархии чиновничьего производства. Необходимость обеспечения работы этой школы, в свою очередь, вела к развитию смежных государственных функций, например, сбора и обработки статистики и обучения необходимых специалистов. Одновременно, уверенность в наличии у правительства устойчивых каналов налоговых поступлений облегчала и заимствования на кредитных рынках¹⁶.

В-четвертых, предметом анализа является влияние характера политических режимов на эффективность фискальной системы, в том числе, различия между авторитарными и демократическими режимами и различия между разными типами демократических режимов. При этом подчеркивается, что одни и те же институты могут по-разному влиять на уровень налоговой эффективности в зависимости от уровня экономического режима.

Наконец, в-пятых, развитие фискальной системы и государственности рассматривается сквозь призму конфликта между правителем, стремящимся к максимизации налоговых поступлений, и подданными, стремящимися к минимизации налогообложения. В некоторых случаях, в рамках этого конфликта достигается равновесие, когда стороны заключают «контракт» – стремясь заручиться согласием подданных на установление необходимого ему уровня налогообложения, правитель может согласиться на ограничение своих полномочий через механизмы представительного правления и/или повысить инвестиции в предоставление более качественных общественных благ, включая обеспечение соблюдения прав собственности. В рамках такого подхода существенным оказывается вопрос о наличии у правителя альтернативных источников доходов (например, возможности получения сырьевой ренты, обложения внешней торговли), а у подданных – возможности избегать налогообложения (в этом смысле, группы с более ликвидными активами, например, купцы, оказываются в более предпочтительном положении, чем землевладельцы). Со временем, в это уравнение включаются также развивающиеся технологии налогообложения – системы учета и контроля, снижающие для правителя удельную стоимость налогообложения.

¹⁶ *Brewer J. The Sinews of Power: War and the English State, 1688-1783. London: Hutchinson, 1988.*

3. Становление государства: Война и налоги.

Наиболее заметный, пожалуй, блок новейшей научной литературы – во всяком случае, наиболее значимый для историков – относится именно к «беллицистскому» подходу. Значительные усилия были потрачены исследователями на попытки прямолинейно протестировать справедливость тезиса Тилли о том, что «война создала государство»: с этой целью предпринимались попытки оценить, действительно ли интенсивность военных конфликтов прямо вела к повышению «дееспособности государства», оцениваемому через рост налоговых сборов. Огромное количество работ на эту тему означает, что мы можем упомянуть здесь лишь наиболее яркие примеры, но в целом полученные исследователями результаты неоднозначны. М. Сентено в своей работе, построенной на материале постколониальных латиноамериканских режимов, пришел к выводу, что война может способствовать становлению государства, но только при определенных условиях, а именно, если к началу войны правитель уже успел установить внутривластную гегемонию, а государство уже обладало достаточными административными мощностями. При этих условиях война может действительно значительно ускорить расширение охвата государства и его дальнейшее проникновение в ткань общества в поисках ресурсов. В отсутствие же этих условий государство может в лучшем случае надеяться «пережить войну»¹⁷. К. Тьес, однако, уточняет эти выводы, предлагая более многофакторное определение «внешнего давления», и пытаясь учитывать также внутrigосударственные конфликты. При таком подходе, ему удается прийти к картине, достаточно хорошо согласующейся с «беллицистским» тезисом Ч. Тилли¹⁸. Б. Тейлор и Р. Ботеа в своей работе, посвященной компаративному изучению Афганистана и Вьетнама, отмечают, что война способствовала становлению государства лишь в одном из них, Вьетнаме, благодаря относительной этнической однородности населения и наличию революционной идеологии; в отсутствие этих условий, попытки государственного строительства в Афганистане в условиях войны провалились¹⁹. Наконец, М. Динчекко и его коллеги в работе, посвященной итальянским государствам периода Рисорджименто обнаруживают, что необходимость ведения войн серьезно способствовала становлению пьемонтской государственности, в частности,

¹⁷ Centeno, Miguel Angel. Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America. University Park, Pa: Pennsylvania State University Press, 2002.

¹⁸ Thies, Cameron G. (2005) War, Rivalry, and State Building in Latin America. American Journal of Political Science 49:451–465; см. также Thies, Cameron G. (2004) State Building, Interstate and Intrastate Rivalry: A Study of Post Colonial Developing Country Extractive Efforts, 1975–2000. International Studies Quarterly 48:53–72.

¹⁹ Brian D. Taylor and Roxana Botea, Tilly Tally: War-Making and State-Making in the Contemporary Third World, International Studies Review (2008) 10, 27–56.

развитию фискальной системы и конституционным реформам²⁰. Впрочем, проблема в том – как признают и сами авторы – что в начале рассматриваемого периода Пьемонт не испытывал никакого серьезного внешнего давления: все войны, о которых идет речь, были в той или иной степени инициированы самим королевством, так что факт внешнего военного давления трудно рассматривать в качестве независимой переменной. Авторы вынуждены формулировать свои выводы достаточно осторожно и обтекаемо (так, внешние угрозы “had significant implications for the demand for military might, which in turn had important ramifications for fiscal policy and the likelihood of constitutional reform,” и специально оговаривать возможное влияние «случайных факторов, таких как амбиции, география и размер [государства]»²¹).

Достаточно много вопросов к «беллицистскому» тезису и у профессиональных историков²². Изучение истории Испании эпохи Габсбургов, например, показывает, что рост внешних угроз и военного давления в итоге привел не к усилению государственных институтов, и фискальной системы в частности, а к их деградации: правительство фактически отказалось от системы *administración* (“рекрутирование войск и корабельных команд и управление ими непосредственно правительственными чиновниками на средства центрального правительства, сопровождающееся правительственным контролем над военной промышленностью») и перешло к *asiento* (передача ответственности за организацию военных сил частным подрядчикам, землевладельцам и другим местным элитам)²³. Османская империя, как кажется, тоже довольно прибегала, под влиянием внешнего военного давления, к «саморазрушительным приемам», как их называет И. Томпсон. В действительности, мы видим, что и правители ведущих европейских держав, выступающих в качестве образцовых моделей построения эффективных фискальных институтов, в краткосрочной перспективе часто полагались на альтернативные способы решения своих финансовых затруднений, включая привлечение кредитов, порчу монеты, продажу должностей (во Франции) или коронных земель (в Англии), а также полный или частичный отказ платить по долгам²⁴.

²⁰ Dincecco M., Federico G., Vindigni A. Warfare, Taxation, and Political Change: Evidence from the Italian Risorgimento, *Journal of Economic History*, Vol. 71, No. 4 (December 2011).

²¹ Там же. С. 909.

²² Gunn S., Grummitt D., Cools H. War and the State in Early Modern Europe: Widening the Debate, *War in History* 2008 15 (4) 371–388.

²³ Thompson I.A.A. *War and Government in Habsburg Spain, 1560–1620* (London, 1976), p. 291

²⁴ Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, A.D. 990–1990* (Blackwell, 1990).

Dan Nexon, “War Made the State and the State Made War”, *Duck of Minerva* [Internet] on 2013 June 03 – [cited 2013 November 4]. Available at <http://www.whiteoliphant.com/duckofminerva/2013/06/war-made-the-state-and-the-state-made-war.html#ret202>

С точки зрения наших интересов, привлекают внимание две недавние попытки,

С одной стороны Караман и Памук вводят в свой анализ сравнительной эффективности раннемодерных европейских государств (в число которых они включают также и Россию, и Османскую империю) дополнительные переменные, отражающие уровень урбанизации и тип политического режима. Согласно их выкладкам, в рассматриваемый период в более урбанизированных обществах рост эффективности государства был связан с ограничением его автономии, когда государство шло на построение консенсуса с элитами, делясь с ними полномочиями не только в части определения уровня налогового бремени, но и в части контроля над расходами. В менее урбанизированных же, аграрных обществах повышение эффективности государства было связано наоборот с повышением его автономности и подавлением элит²⁵.

В другой стороны, В. Хуэй в своем сравнительном исследовании становления государства в древнем Китае и раннемодерной Франции развивает идею И. Томпсона о «саморазрушительных приемах» и предлагает модель, в которой правительства перед лицом внешнего военного давления могут прибегать либо к «самоусиливающим реформам» (self-strengthening reforms), или к «самоослабляющим приемам» (self-weakening expedients). Ключевое отличие состоит как раз в том, что в первом случае необходимая мобилизация ресурсов достигается путем построения фискальной и, шире, административной инфраструктуры, позволяющей напрямую воздействовать на население, тогда как во втором государство полагается на посредников – кредиторов, откупщиков, военных предпринимателей, местные элиты и так далее; это так же позволяет в краткосрочной перспективе собрать необходимые военные силы, однако не ведет к построению дееспособного государственного аппарата и в долгосрочной перспективе ведет к ослаблению государства²⁶.

²⁵ *Karama K. K., Pamuk Ş.* Different Paths to the Modern State in Europe: The Interaction Between Warfare, Economic Structure, and Political Regime. *American Political Science Review*, 107, 2013, pp 603-626.

²⁶ *Victoria Tin-bor Hui*, *War and State Formation in Ancient China and Early Modern Europe*. New York NY: Cambridge University Press, 2005.

4. Подушная подать в России: Показатель эффективности государства.

Данный набор идей и концепций задает рамку для предпринимаемой в нашем исследовании попытки, впервые в отечественной историографии, оценить эффективность раннемодерного государства в России и объяснить вырисовывающую траекторию становления государства. В качестве отправной точки для изучения характера российской государственности раннего Нового времени нами выбрана подушная подать, собираемость которой, как представляется, может, в первом приближении, рассматриваться как индикатор эффективности российского государственного аппарата. Ключевыми для нас здесь представляются первые послепетровские десятилетия – важнейший, и при этом недостаточно изученный этап в истории становления государственных и социальных институтов, период нормализации, стабилизации, «осадки» и «притирки» государственных институтов, необходимых после радикальных трансформаций и стрессов эпохи петровских реформ и Великой Северной войны²⁷.

Историческое значение подушной подати достаточно очевидно²⁸. Ее введение стало одной из ключевых петровских реформ, которая во многом определила и облик целого ряда государственных институтов, и облик российского социума в целом, зафиксировав достаточно жесткое разделение населения на податные и неподатные категории, сохранявшееся практически до самого конца императорского периода и задававшее во многом и социальную, и экономическую, и политическую динамику²⁹. При этом именно подушная подать с хрестоматийной наглядностью иллюстрирует тезис о связи налогообложения, государственного строительства и войны в раннее Новое время: как хорошо известно, этот налог прямо и полностью предназначался на содержание армии и флота, причем его ставка была определена, так сказать, обратным счетом, отталкиваясь от априорно установленных потребностей вооруженных сил: необходимую сумму (4 млн.руб. на сухопутные силы) просто разделили на число налогоплательщиков, установленное в ходе переписи податного населения. Армия же играла ключевую роль и в сборе нового налога - сначала прямо, через систему полковых дистриктов и полковых дворов, в рамках которой армейские части были прямо ответственны за физический сбор сумм, определенных на их содержание (причем деньги и оставались у них в руках, в центр для перераспределения на прочие нужды пересылались лишь

²⁷ См. *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725-1740. СПб., 1994.

²⁸ *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719-1728 гг. Л., 1982.

²⁹ См. *Анисимов Е.В.* Податная реформа, 135 *passim*; *Elise Kimerling Wirtschafter.* Social Identity in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999, С. 367-368 и далее;

излишки). Потом чуть более опосредовано, через институт офицеров у подушного сбора. Полномочия этих офицеров по оказанию прямого, физического воздействия на население постепенно снижались в последующие десятилетия, однако показательно, что на протяжении большей части 18 века сбор основного прямого налога в стране координировал Генерал-кригс-комиссариат – говоря современным языком, служба тыла и снабжения сухопутных войск³⁰.

Для наших целей принципиально и то, что подушная подать, обеспечивая финансирование вооруженных сил, основной расходной статьи государственного бюджета, была именно прямым налогом. С одной стороны, прямые налоги в теории подразумевают построение гораздо более разветвленной фискальной инфраструктуры, способной так или иначе учесть каждого плательщика в стране и обеспечить регулярное воздействие на него; в России подушная подать собиралась по полугодиям (сначала по третям), что на практике могло бы предполагать близкое к регулярному взаимодействию с населением. С другой стороны, Россия была, видимо, едва ли не единственной европейской державой своего времени, которая обеспечивала содержание полностью отобилизованной армии за счет именно прямого налога. Разумеется, в военное время всевозможные экстраординарные расходы обеспечивались и за счет средств из других источников. Однако и с учетом этого, достижение послепетровской России выглядит уникальным на фоне других держав, вынужденных прибегать для финансирования своих армий к массовым заимствованиям, полагаться на всевозможные косвенные налоги и другие источники дохода, в том числе и относящихся к числу *self-weakening expedients*.

По оценке Е.В. Анисимова, объем собираемых прямых налогов вырос в 1724 по сравнению с допетровским периодом (1680 г.) в 7,7 раз, косвенного – в 3,9 раз. С учетом инфляции сумма собираемых налогов выросла в 3,7 раза, а с учетом роста населения, ставка прямого налогообложения на душу мужского населения выросла за этот период примерно в 3 раза, причем большая часть прироста приходится именно на период петровских реформ³¹. В результате, на протяжении первой половины 18 века подушная подать обеспечивала более 60% государственных доходов³².

Как же России удавалось добиться подобных результатов? В литературе достаточно прочно устоялось мнение о хронической глубокой недоимочности при сборе подушной подати и, соответственно, о крайней тяжести нового налога. Мнение это, надо сказать, восходит еще к современникам Петра, к его ближайшим сподвижникам, единодушно обрушившимся после смерти императора с жесточайшей критикой на внедренную им фискальную систему³³. Речь, иными словами, идет о том, что

³⁰ Анисимов Е.В. Податная реформа, С. 232 *passim*

³¹ Анисимов Е.В. Податная реформа. С. 278.

³² Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шаццло М.К. История налогов в России. IX - начало XX века. М., 2006. С. 27-128.

³³ Анисимов Е.В. Податная реформа. С.260-265.

собираать подобные суммы государству удавалось с огромным напряжением сил – и налоговое бремя было столь тяжелым, что, несмотря на все усилия правительства, запросы милитаризованного государства, едва ли не постоянно вовлеченного во всевозможные войны, превосходили возможности экономики страны настолько, что принудить население к полной уплате налогов не удавалось.

Систематической проверке, однако, этот тезис в литературе не подвергался. Тезис о крайне высоком уровне недоимочности развивает и обосновывает С.М. Троицкий: повторяя, в том числе, и цифры Кизеветтера по 1720-м гг., он настаивает также и на высоком уровне недоимочности в последующие годы. Правда, цифры, которые сам Троицкий приводит для 1750х гг. – 7% - 14% от годового оклада – гораздо ниже³⁴. Не приводит Троицкий и убедительных данных в подтверждение своего тезиса о крайней тяжести налогового бремени и массовом сопротивлении крестьян уплате подушной.

Надо сказать, что в своей классической работе о податной реформе Петра Е.В. Анисимов приходит к прямо противоположному мнению (затрагивая, впрочем, лишь период до середины 1720-х гг.). Он показывает, что сообщения современников о хронической и глубокой недоимочности не следует слишком поспешно принимать на веру. Во-первых, послепетровские деятели в середине 1720-х (как, добавим от себя, и много позднее) не имели реальных сведений о точной величине недоимок – необходимой статистики у них просто не было. Во-вторых, панические оценки ситуации с собираемостью в середине 1720-х объясняются, в том числе, и тем, что введение подушной совпало по времени с волной повсеместного голода и эпидемий 1721-1724 гг., а также сопровождалось неизбежными при переходе на новую систему эксцессами. В итоге, даже для сложных первых послепетровских лет Е.В. Анисимов указывает на уровень собираемости в районе 90%³⁵. А. Кахан в своей обзорной работе по экономической истории России 18 века называет как обычный уровень недоимочности в 4%-5% в год (не ссылаясь, впрочем, на какие-то на специальные изыскания), который, по его мнению, не мог служить серьезной проблемой для бюджета³⁶. Однако представление о хронической недоимочности оказывается живучим (см., например, новейший обзор истории налоговой политики в России³⁷). Статья П. Гатрелла в новейшем обзоре глобальной фискальной истории по-прежнему приводит показатели собираемости подушной в середине 18 века на уровне 70%-80%³⁸. Таким образом, на сегодня в научной литературе нет

³⁴ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М, 1956.С. 126-127.

³⁵ Анисимов, Податная реформа. С. 262-266.

³⁶ Arcadius Kahan, The Plough, the Hammer, and the Knout, 1985, 320-321.

³⁷ Захаров, Петров, Шаццло, История налогов. С. 96-99

³⁸ Peter Gatrell, The Russian Fiscal State, 1600-1914, in Yun-Casalilla, O'Brian, Comin Comin, The Rise of Fiscal States. A Global History, 1500-1914, 200-2001

устоявшегося, обоснованного мнения о недоимочности в послепетровский период.

5. Описание данных и оценка общего уровня недоимочности в послепетровский период.

Исходя из этого, в рамках данного проекта нами предпринята уникальная попытка оценить эффективность российского государственного аппарата в исторической перспективе на примере собираемости подушной подати в середине 18 века, в первую очередь, в послепетровский период, а также оценить влияние возможных факторов, влияющих на нее.

Проработка данных центральных и местных учреждений позволяет более адекватно оценить реальный уровень собираемости, восстановить картину собираемости подушной подати. Источниковой базой для нашего исследования стали ведомости, которые были направлены из провинций и уездов в Генеральный Кригс Комиссариат и отложились в двух архивохранилищах: РГАДА и РГВИА.³⁹ Для их выявления в рамках нашего проекта нами обследованы фонды Кригс-Комиссариата (оп. 4 – 5), что позволило охватить (разумеется, не полностью), следующие административные единицы:

I. Территория:

Губернии:

1. Архангелорогодская:

- Вологодская провинция, как вся, так и по отдельным уездам: Вологодский, Тотемский;
- Галичская провинция: один уезд - Солигаличский,
- Устюжская провинция, как вся, так и по отдельным уездам: Великоустюжский; Соливычегодский; Яренский;

2. Белгородская:

- Орловская провинция: общие данные по провинции

3. Воронежская:

- Елецкая провинция: как вся, так и по отдельным уездам: Данковский; Ливенский; Скопинский; Чернавский;
- Тамбовская провинция: общие данные по провинции

4. Казанская:

- Казанская провинция: общие данные по провинции;
- Свияжская провинция: общие данные по провинции;
- Симбирская провинция: общие данные по провинции;

5. Московская губерния

- Владимирская провинция: общие данные по провинции;
- Калужская провинция: общие данные по провинции;
- Костромская провинция: как по всей провинции, так и по отдельным уездам: Кадьевский; Костромкой; Любимский; Судисловский;

³⁹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 915, РГВИА. Ф. 393. Оп. 4. Д. 7, 11, 12, 215, 216, 221, 223, 227, 229, 233, 234, 236, 238, 240, 242, 254, Оп. 5. Д. 19, 22, 74, 78. Ч. 1. 2, 246, 552, 570, 777.

- Московская провинция: как по всей, так и по отдельным уездам: Каширский, Коломенский, Малоярославский; Рузский; Верейский;
- Переславль-Залесская провинция: общие данные по провинции;
- Рязанская провинция: как по всей, так и по отдельным уездам: Зарайский; Михайловский; Печерники; Пронский; Переславль-Рязанский;
- Суздальская провинция: общие данные по провинции;
- Тульская провинция: общие данные по провинции;
- Угличская провинция: как по всей, так и по отдельным уездам: Бежецкий; Кашинский
- Ярославская провинция: как по всей провинции, так и по отдельным уездам: Кинешемский; Пошехонский; Романовский; Ярославский;
- 6. Новгородская губерния:
 - Тверская провинция: по отдельным уездам: Зубцовский; Ржевский;
- 7. Казанская (Сибирская) губерния:
 - Вятская провинция: как по всей, так и по отдельным уездам: Кайгородский; Котелничский; Орловская; Хлыновский; Шестаковский
- 8. Сибирская губерния:
 - Енисейская провинция: общие данные по провинции;
- 9. Смоленская губерния:
 - Бельская провинция: общие данные по провинции;
 - Вяземская провинция: общие данные по провинции.

Изученные ведомости относятся к периоду с 1727 (1724) по 1740 (1744)⁴⁰, т.е. ко времени первой ревизии, поэтому один из главных показателей – численность населения – не меняется по времени.

Как правило, в используемых нами источниках встречаются данные о недоимках по следующим платежам: семигривенному, четырехгривенному, сорокоалтынному. Иногда встречается более подробная характеристика, например: семигривенный, положенный и неположенный на полки, или семигривенный у монастырских и помещичьих крестьян отдельно. Данные вводились в таблицы, а впоследствии складывались, для удобства расчетов.

Данные собирались либо на год в целом, иногда по полугодиям, что соответствующим образом учитывается в базе, например: 1736, 1 (первое полугодие) и 1736, 6 (второе полугодие). При проведении расчетов данные брались только за год, т.е. данные по полугодиям складывались. Следует учитывать, что данные по недоимкам в источниках привязаны к соответствующему году, но они не отражают ситуацию именно этого года. Здесь фиксируются недоимки, которые числились в провинции на момент составления ведомости (так называемые «реальные недоимки»). Недоимки по последним годам по ведомости всегда значительно выше, потому что в этом случае они меняют свой характер: данные за последний отраженный в

⁴⁰ Данные за 1727 – 1740 год есть по всем указанным территориям, но в некоторых случаях мы имеем данные за более ранние или более поздние года, указанные в скобках.

ведомости год (год составления ведомости) носят «номинальный» характер⁴¹. Используемые нами ведомости составлялись на основании доимочных ведомостей.⁴²

В силу того, что собирались данные по разным административным единицам, то сначала было изучено, насколько хорошо данные отдельных уездов репрезентируют ситуации по провинции в целом. Как будет показано ниже, данные уездов по семигивенному платежу не всегда аппроксимируют данные по провинциям, поэтому в первую очередь брались данные по уездам и дополнялись данными по провинциям в целом.

Для определения размера окладной суммы (то есть, общей суммы налога, причитающегося с данной административной единицы, необходимой для вычисления уровня собираемости, оцениваемого как отношение фактически собранной суммы или недостающей суммы (доимки) к окладной сумме) были взяты данные по ведомости 1738 года⁴³, поскольку в использовавшихся нами делах размер окладной суммы, как правило, не указывался. Это допустимо сделать по двум причинам: во-первых, данная ведомость содержит информацию в разрезе по уездам, а во-вторых, изменение численности населения с 1724 года до 1738 года было незначительным - менее 1 %.⁴⁴ Сложность состоит в том, что дробность социальных групп, приведенных в ведомости, потребовала объединения некоторых групп. Так, численность помещичьих крестьян рассчитывалась дополнительно, поскольку к указанным в ведомости помещичьим крестьянам добавлялись дворовые, зафиксированные в ведомости отдельно. Или служилые мурзы и татары были отнесены к государственным крестьянам⁴⁵.

Надо признать, что данные ведомости 1738 г. не всегда напрямую соотносятся с данными провинциальных канцелярий. Например, по Вятке фиксируются недоимки у монастырских крестьян, при этом в ведомости не указана их численность. Также по Любимскому уезду Костромской провинции есть недоимки по государственным крестьянам, но по ведомости численность государственных крестьян не указана. Схожая ситуация встречается по Судиловскому уезду. По Яренскому уезду разошлись данные по купечеству, а по Солигаличу - по государственным крестьянам.

⁴¹ Подробнее о категориях «реальных» и «номинальных» недоимок см.: Корчмина Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати 1720-х – 1760-х годов // Российская история, 2013, 5. С. 77 – 91.

⁴² Принцип составления ведомостей см. Корчмина Е.С. Многие миллионы казны... 85 – 88.

⁴³ Генеральная, учиненная ис переписных книг, о числе мужеска полу душ табель. Находится в свободном доступе.

⁴⁴ см. Анисимов Е.В. Податная реформа. С. 106.

⁴⁵ См. Наказ. //Сборник императорского русского исторического общества, Т. 115 <http://bigeevo.narod.ru/nakaz2.html>.

При расчете оклада была сделана следующая поправка: дворцовые крестьяне платили четырехгривенный сбор, но при расчете оклада для дворцовых крестьян, мы учитывали только семигривенный платеж⁴⁶.

Разумеется, собрать исчерпывающие данные по всем уездам представляется невозможным на данной стадии. Всего за рассматриваемый период у нас имеется от 383 до 614 наблюдений (данных по одному уезду или провинции), что позволяет считать данную выборку достаточно репрезентативной. Также в рамках исследовательского проекта собраны подробные данные на микроуровне – в рамках Переславль-Рязанского уезда Рязанской провинции Московской губернии, отражающие уровень собираемости в разрезе отдельных поместий (подробнее см. раздел 3 отчета), через структуру помещичьего землевладения и податного населения, характеристики помещиков, географические и иных параметры территории.

На основании этих данных мы можем сделать предварительный вывод об уровне недоимочности в целом по России, что не делалось раньше. Главное, мы можем говорить о том, что предположения о хронической недоимочности в России 18 века, скорее всего, являются ошибочными. В действительности, средний уровень недоимочности за период 1724-1740 годов составлял 8 % процентов для семигривенного платежа, который платили все виды крестьян, 17 % процентов для четырехгривенного платежа, который уплачивали только государственные крестьяне и 11 % для сорокоалтынного платежа, вносимого купцами, опускаясь ниже 20 % лишь в отдельных случаях, которые, как правило, могут быть увязаны с эпизодами неурожая и иных форс-мажорных факторов. Медианный уровень недоимок еще ниже – 1,4 % по семигривенному платежу, 1,8 % - по четырехгривенному платежу и около 0 – по сорокоалтынному платежу.

Таблица 1.

Дескриптивная статистика за весь период (для уездов и провинций, в состав которых не входят учтенные уезды)

Переменная	Число наблюдений	Среднее	Коэффициент вариации	Макс	Мин	Медиана
Относительная недоимка по семигривенному	614	0.083	1.843	0.915	0.000	0.014
Относительная недоимка по четырехгривенному	540	0.170	1.511	1.000	0.000	0.018
Относительная недоимка по сорокоалтынному	535	0.119	1.958	1.000	0.000	0.000

⁴⁶ В данном случае этот расчет был сделан, исходя из двух соображений. Первый – это сам принцип управления дворцовыми крестьянами, при котором четырехгривенный сбор шел во «дворец», как и оброк у помещика. К тому же в ведомости по третьей ревизии на прямую было указано, что с дворцовых собирался только семигривенный сбор.

Доля помещичьих крестьян	620	0.444	0.833	0.984	0.000	0.535
Доля государственных+дворцовых	620	0.387	1.093	1.000	0.000	0.097
Доля государственных	620	0.364	1.195	1.000	0.000	0.077
Доля монастырских	620	0.104	1.038	0.392	0.000	0.066
Расстояние до Москвы	579	604.941	1.223	4049	90	350
Расстояние до Санкт-Петербурга	579	1224.699	0.621	4777	641	988
Цена ржи	605	87.579	0.426	222.0	31.00	79.000
Цена овса	529	45.871	0.345	113.0	23.00	43.000
Штат	383	47.428	1.114	147	1	5

Следующие графики показательны для понимания уровня недоимок по разным видам платежей.

График 1.

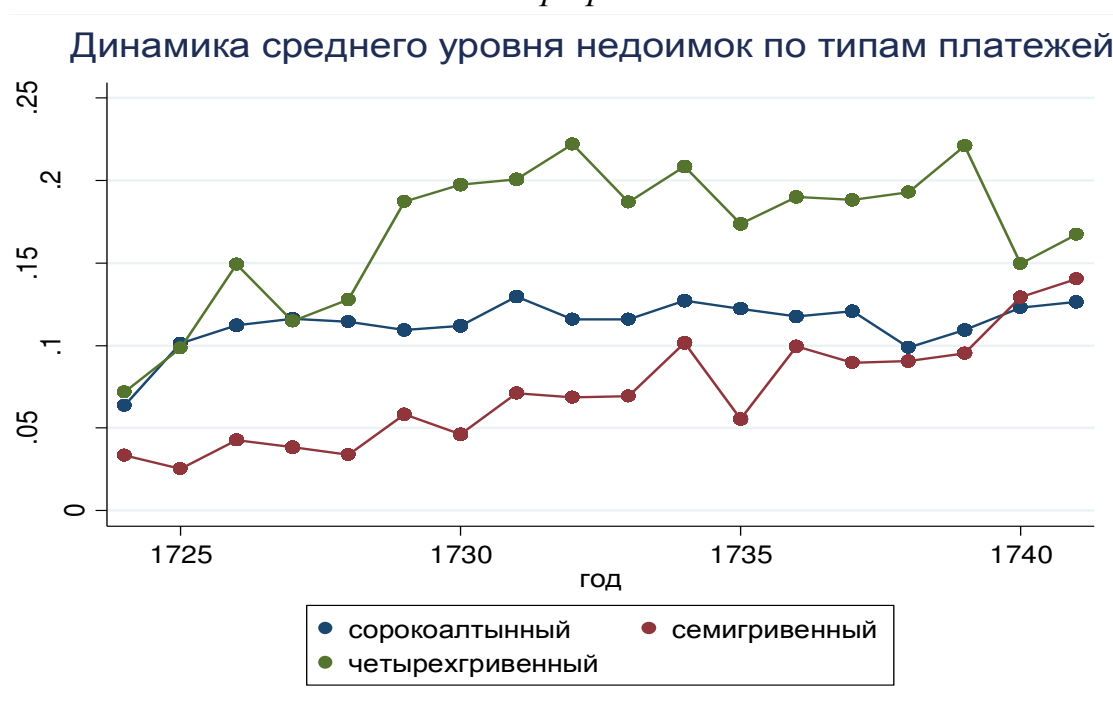
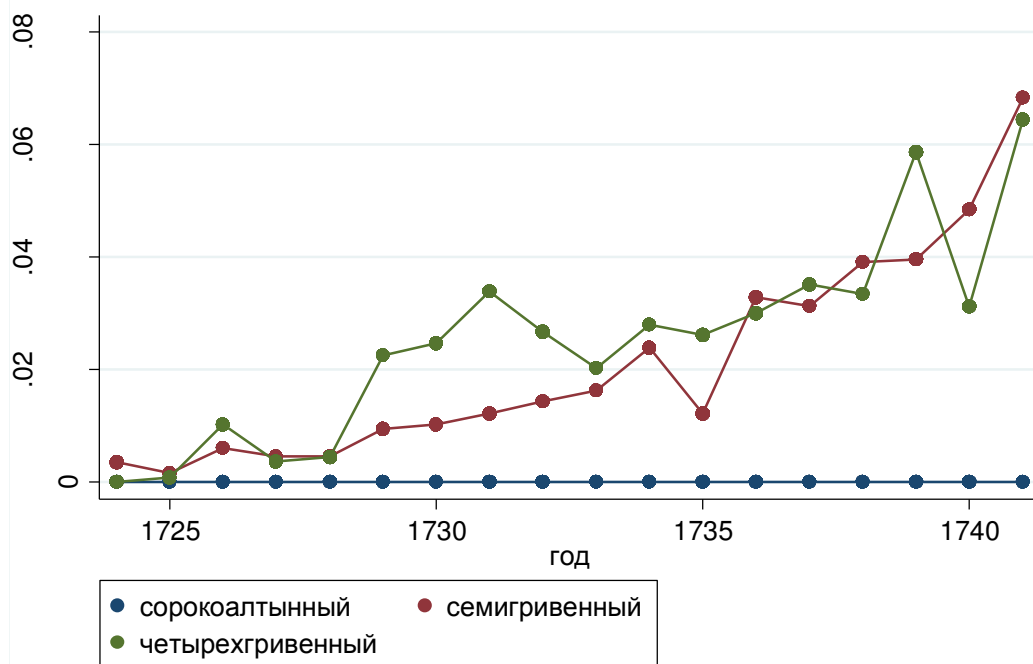

График 2.

Динамика медианного уровня недоимок по типам платежей

Графики представлены для среднего и для медианного уровня недоимок. Они сильно различаются, например, медианный уровень недоимок по сорокоалтынному платежу очень низкий, а средний уровень по нему выше, даже выше, чем у семигривенного платежа. Это связано с тем, что по большинству регионов недоимочность по сорокоалтынному платежу нулевая (купцы платили очень хорошо), но есть несколько регионов (Шестаковский, Кайгородский, Солигаличский уезды), где недоимки были очень высокими, и составляли больше половины оклада, что, соответственно, сильно сдвигает среднее значение, но не влияет на медиану. Мы считаем, что в данном случае, учитывая неоднородность рассматриваемой совокупности, следует ориентироваться на медианный уровень недоимочности, когда речь идет об общих тенденциях.

Определение уровня недоимочности после 1740 года на данный момент является непростой задачей. Во-первых, систематические годовые данные по провинциям, хотя бы в том же объеме, что и для периода 1724-1740 гг. не были выявлены. Разрозненные ведомости для периода после 1740-х гг. выявлялись случайно в РГАДА в фонде Сената и в РГВИА фонде Кригс-комиссариата, хотя ведомости для периода 1724 – 1740-х гг. сохранились комплексно в фонде Кригс-комиссариата (Ф. 393) РГВИА. Подобное «распределение» источников могло быть связано как с изменениями в отчетности документов в середине 18 века, так и с особенностями формирования архивов в 20 веке.

Во-вторых, выявленные к настоящему моменту сводные ведомости по всей России за середину 18 века содержат информацию об аккумулированной недоимке за 10 – 15 лет, без разбивки на виды подушных

платежей. Второе обстоятельство придает нашим выводам за этот период скорее расчетный характер. Но в условиях отсутствия иных более приемлемых для решения нашей задачи источников мы используем имеющиеся. Основой для нашего анализа стала ведомость: «Ведомость, коликое число по присланным в Главный кригс-комиссариат из губерний и провинций репортам, с 1747 г. по нынешней 1762 г. доимки оказалось»⁴⁷. В ведомости приводится три отчета о состоявшихся к 1762 году недоимкам по губерниям (Приложение 1), по провинциям (Таблица 2), по годам по всей России (Таблица 3).

Аккумулированные данные по губерниям показывают, что наиболее неблагополучными с точки зрения подушных платежей были Белгородская, Московская и Казанская губернии.

Таблица № 2.

*Размер недоимок в абсолютных цифрах по провинциям с 1747 по 1762 года.*⁴⁸

Калужская провинция	3118,55
Тульская провинция	
Рязанской	
Владимирская	170,33
Суздальская	
Юрьевская	
Костромская	1056,69
Переяславль-Залесская	247,18
Ярославская	183,12
Углицкая	11,20
Пошехонская	
Галицкая	2609,56
Переславль-Рязанская	12800,03
Алаторская	29,29
Арзамасская	1373,29
Премская	1557,63
Свияжская	2361,04
Пензенская	22547,25
Вятская	25416,40
Симбирской	1999,93

⁴⁷ РГВИА Ф. 23. Оп. 1. Д. 546. Л. 1-об. – 2 об. Благодарим Е. Наседкина за обнаруженный документ.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 546. Л. 2. Данная таблица является копией ведомости документа, пустые ячейки были в документе.

Вологодской	294,54
Великолуцкой	1284,33
Тверской	857,91
Белозерской	931,16
Псковской	4,20
Елецкой	570,67
Бахмутской	5241,84
Тамбовской	21348,01
Шацкой	15022,93
Орловской	7307,21
Юрьево-Польской	121,63
Всего	128465,92

Имеющиеся данные по провинциям демонстрируют, что хуже всего подушная подать платилась в Вятской, Тамбовской и Пензенской провинциях.

Данные о недоимках по годам, зафиксированные в ведомости «Сколько недоимки оказалось по поступившим из провинций и губерний в главный кригс-комиссариат на 1762 г.» (Таблица 3), отражают ситуацию со сбором подушной по всей России без деления на провинции и губернии.

Таблица № 3.

Погодовые данные об уровне недоимочности по подушной подати по России.

Годы	Недоимка (руб.)
1747	14432,30
1748	14966,33
1749	19483,95
1750	16596,59
1751	19887,28
1752	20691,77
1753	21010,26
1754	21126,10
1755	20534,24
1756	24285,03
1757	22481,11
1758	25298,32
1759	23289,12
1760	28120,00
1761	82214,00
всего	374416,40

Приведенные данные демонстрируют, что в целом уровень недоимочности был стабилен, за исключением последнего года, что отражает не столько сложности в платеже подушной, сколько особенности формирования отчетов о недоимке.

Если внимательно посмотреть на итоговые цифры, то видно, что они значительно различаются, назвать точную причину, почему это происходило, мы не можем. Но для наших расчетов принципиально несколько оговорок. Во-первых, для наших расчетов мы берем годовые данные, потому что с одной стороны, приводимая в этой ведомости цифра максимальная из выявленных нами, следовательно, она показывает максимальный известный правительству уровень недоимок, с другой стороны, она позволяет нам понять средний уровень недоимок за год по России. Во-вторых, мы считаем, что и итоговая цифра недоимок может быть изменена в сторону увеличения, поскольку пустующие клетки в Таблице 2, можно интерпретировать не как нулевую недоимку, а как неизвестную недоимку, поскольку не из всех провинций регулярно поступали отчеты, или не все поступившие отчеты были ревизованы.

На основании приведенных данных средний размер недоимки за год в период с 1747 по 1762 гг. в абсолютном выражении составляет 24 961 рубль. Сравнение абсолютных цифр недоимок с годовым окладом подушной подати, поступающей с крестьян в соответствии с данными второй ревизии, демонстрирует, что уровень недоимочности составлял менее 1 % в год. Что в целом коррелируется с медианным уровнем недоимок по России и за период 1720-х – 1730-х годов.

С учетом приведенных данных следует признать, что правительству в исследуемый период удавалось обеспечить собираемость ключевого прямого налога, приближающуюся к полной. Данное наблюдение не только полностью противоречит устоявшимся оценкам (в том числе, и оценкам самих современников), но и ставит перед нами вопрос о том, на чем была основана столь высокая эффективность государственного аппарата, и что это означает для нашего понимания природы раннемодерного государства в России.

6. Факторы, влияющие на собираемость подушной подати в послепетровский период

Гипотезы и данные

В рамках нашего исследования мы сформулировали и попытались предварительно протестировать несколько гипотез, касающихся возможных факторов, влияющих на эффективность государственного аппарата, в данном случае, на уровень собираемости подушной подати.

Во-первых, можно предположить, что эффективность государства в части обеспечения сбора подушной подати зависела от используемых

механизмов сбора. Для владельческих крестьян роль налоговых агентов выполняли помещики: они несли прямую ответственность за полную выплату подати, и могли быть подвергнуты наказанию за недоимку вплоть до ареста или конфискации имущества. Для этой категории крестьян помещики играли роль правительственных агентов: возможность использовать таким образом помещиков позволяла государству не инвестировать в построение бюрократического аппарата. Для государственных и дворцовых крестьян (здесь мы сознательно упрощаем более сложную, в действительности, структуру крестьянства), по нашему мнению, роль государственных агентов выполняли либо крестьянская община, либо дворцовые управители. Таким образом, более высокая собираемость подушной подати с помещичьих крестьян может говорить о том, что этот механизм был эффективным – что у государства в действительности и не было стимулов инвестировать в построение бюрократической инфраструктуры; это в свою очередь, будет косвенным объяснением долговременного сохранения института крепостного права как именно механизма администрирования. С другой стороны, сравнительно более высокая эффективность коронной администрации может свидетельствовать в пользу неэффективности института крепостного права, и поставит вопрос о том, что сдерживало переход России к более эффективным механизмам управления – коронным.

Также, поскольку помещики выполняли роль налоговых агентов, можно предположить, что на собираемость подушной подати могли влиять также параметры помещичьего землевладения. Более крупные помещики, гипотетически, скорее могли себе позволить оказывать давление на уездных и провинциальных чиновников и офицеров у подушного сбора, игнорировать их требования. С другой стороны, учитывая наличие у них более значительных ресурсов, необходимость покрытия крестьянской недоимки из своих средств была для них менее тяжелой проблемой. Более мелкие помещики гипотетически были более беззащитными перед чиновниками, но одновременно необходимость выплатить даже небольшую сумму за крестьян могла быть для них гораздо болезненнее.

Для сопоставления сравнительной эффективности помещиков как налоговых агентов и коронной администрации нами использованы данные, учитывающие разные виды подушных платежей, и численность разных видов крестьян, которая была взята из ведомости 1738 года. Мы не обладаем данными, которые бы говорили о том, что была разница в распределении владельческих крестьян и государственных крестьян по качеству почв или каких-то других признаков, могущих влиять на устойчивость результатов.

Для оценки возможностей крупных душевладельцев уходить от уплаты налогов нами использовались оценки Н.М. Шепуковой⁴⁹, которая

⁴⁹ Шепукова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половины XIX вв.// ЕАИВЕ, 1963. Вильнюс, 1964. Таблица 1. С. 402 – 419.

рассчитала соотношение в процентах помещиков на основании числа принадлежащих им душ по пяти категориям. В итоговых расчетах мы ориентировались на более простое деление – на соотношение крестьян у помещиков в категориях «больше 100 душ» и «меньше 100 душ». Также, в данном случае не учитывается то обстоятельство, что у помещиков могли быть (и были) владения в различных провинциях, и обладатель, например, 90 душ в данном регионе мог, в действительности, быть крупным помещиком, имея владения в ряде других провинций. Таким образом, эти данные преуменьшают, видимо, долю крестьян, находящихся во владении крупных помещиков.

Во-вторых, можно предположить, что эффективность государственного аппарата снижалась с удалением от ключевых административных центров. Это логично, учитывая, что даже и простое сообщение с отдаленными провинциями в тот период было сопряжено с большими временными и ресурсными издержками; это тем более должно было касаться проецирования силы и способности применения принуждения. Если гипотеза верна, то размеры Российской империи оказываются ключевым фактором, влияющим на формирование государственного аппарата и логично ведущим к необходимости более высоких издержек на государственное управление, что могло бы объяснить отставание в области институционального строительства по сравнению с более компактными державами. Разумеется, тезис о том, что большие территориальные размеры России создавали дополнительные сложности для развития имеет широкое хождение в исторической и публицистической литературе.

Для проверки данной гипотезы мы проверяли наличие зависимости уровня собираемости подушной от расстояния между соответствующим губернским или уездным городом и Москвой, приведенного по состоянию на 1746 год по почтовым дорогам.⁵⁰ В расчетах бралось только расстояние до Москвы, поскольку расстояние до Петербурга всегда было незначимой переменной, что на наш взгляд, объясняется фактом удаленности всех территорий от Петербурга. Использование переменной минимума из двух расстояний – до Москвы и Санкт-Петербурга – дало результаты, полностью совпадающие с результатами, полученными при использовании переменной «расстояние до Москвы».

В-третьих, эффективность государственного аппарата могла зависеть собственно от наличной инфраструктуры управления, что подчеркивало бы значимость недоинвестирования в развитие государственного аппарата, особенно ярко проявившееся при ближайших преемниках Петра, сокративших в целях экономии штаты местных учреждений.

Для проверки этой гипотезы нами рассматривалась зависимость собираемости подушной подати в регионе от номинальной (по штату) численности местного аппарата управления. Идеальным было бы собрать данные о численности канцелярии офицеров при подушном сборе, которые

⁵⁰ РГАДА ф. 199. оп. 36, П. Д.1

непосредственно отвечали за сбор и учет подушной подати, но обнаруженные нами данные оказались слишком фрагментарными, и при добавлении их в формулы регрессий были незначимы. Поэтому были собраны данные по общей численности канцелярий в середине 18 века.

Наконец, можно предположить, что уровень собираемости подушной подати зависел от уровня потенциальной платежеспособности региона. При этом мы можем предположить, что чем выше чувствительность уровня собираемости к показателю платежеспособности, тем ближе было установленное налоговое бремя к некоему максимально допустимому для населения значению. Очень высокая чувствительность может означать, что установленный уровень налогового бремени был крайне тяжелым, тогда как низкая или нулевая чувствительность может означать, что налоговое бремя было не слишком значимо.

В качестве показателя уровня потенциальной платежеспособности населения нами используются хлебные цены. Данные по хлебным ценам взяты у Б.Н. Миронова, у которого они сформированы по группам губерний. Поскольку в начале XVIII века границы губерний не совпадали с границами губерний в конце XVIII века, то фактически при составлении базы учитывались провинции. Например, Архангелогородская губерния, включала Вологодскую провинцию, поэтому берутся цены не северного района, к которому относится Архангельск, а Центрально-Нечерноземного, к которому относится Вологда. Полученные группы приведены ниже, чтобы можно было понять видовое разнообразие. По каждой группе указываются только провинции.

- Северный район (Устюжская провинция)
- Центрально-Нечерноземный (Вологодская, Галичская; Московская: Владимирская; Калужская; Костромская; Московская; Переславль-Залесская; Суздальская; Угличская; Ярославская; Тверская; Бельская; Вяземская провинции);
- Центрально-Черноземный (Орловская; Елецкая, Тамбовская; Рязанская, Тульская провинции);
- Волжский район (Казанская, Свияжская, Симбирская провинции)
- Восточный район (Вятская провинция)
- Западная Сибирь (Сибирская губерния: Енисейская провинция)

Разумеется, подобные данные могут лишь в самом общем виде отражать уровень платежеспособности региона. Кроме того, следует учитывать, что играть значительную роль должен был также уровень монетизации экономики региона. В частности, регионы, в которых традиционно развиты промыслы, могут в целом уплачивать денежный налог лучше, чем регионы, где есть возможность заниматься только сельским хозяйством. Однако, на данный момент у нас нет данных, позволяющих учитывать и этот фактор.

Регрессионный анализ

В рамках исследования нами произведено тестирование данных гипотез методами регрессионного анализа, регрессии считались для каждого годов и для каждого типа платежа (всего $(1740-1724)*3=48$ регрессий).

Для недоимки по семигривенному платежу:

$$Y = a + b * \text{Штат } i + c * \text{Доля государственных крестьян в регионе } i + d * \text{Индекс Герфиндаля для крестьян в регионе } i + e * \text{Расстояние до Москвы в регионе } i$$

Где Y - относительная недоимка по семигривенному платежу (отношение недоимки к окладу) в регионе i ; a, b, c, d, e – оцениваемые коэффициенты.

Индекс Герфиндаля считается как: $HNI = d_i^2 + d_j^2 + \dots + d_k^2$ где d_i , d_j – доля крестьян типа i в регионе (суммирование идет по всем типам крестьян). Чем выше значение индекса, тем более однородная структура населения по типу крестьян, чем ниже значение – тем более диверсифицирован регион по типу крестьян.

Такая же спецификация использована для четырехгривенного платежа.

Для сорокоалтынного короче формула:

$$Y = a + b * \text{Штат } i + e * \text{Расстояние до Москвы в регионе } i$$

Результаты регрессионного анализа отражены в таблицах 4- 6.

Таблица 4.

Зависимая переменная - относительная недоимка по сумме семигривенного и четырехгривенного платежей (в % от оклада) в регионе⁵¹

⁵¹ Звездочки рядом с коэффициентами означают значимость связи, чем больше звездочек, тем значимее связь.

*** $p\text{-value} < 0.01$ - значимая связь

** $0.01 < p\text{-value} < 0.05$ - связь значимая,

* $p\text{-value} < 0.10$

Коэффициент ХИквадрат показывает, насколько все переменные вместе значимы, то есть способна ли такая модель в целом нормально объяснить переменную. В нашем случае, за исключением крайних лет, значение $p\text{-value}$ очень маленькое – 0.000, следовательно, наша модель хорошо объясняет переменные, используемые в анализе.

Год	Доля государственных и дворцовых крестьян (от общей численности крестьян в регионе)	Расстояние до Москвы (в тысячах верст)	Индекс Герфиндаля	Численность штата 1 (в тысячах человек)	Константа	N	X-квадрат	PV (хи-квадрат)
1725	0.252	-0,115	0,039	-0,446	0,018	22	3,655	0,455
1726	0.363	-0,038	0,197	-0,688	-0,092	23	22,651	0,000
1727	0.250	0,092	0,205**	-0.552*	-0,13**	24	34,296	0,000
1728	0.221**	0,094	0,198**	-0.563*	-0,12*	24	32,643	0,000
1729	0.309**	0,174	0,300**	-0.793**	-0,19**	24	37,868	0,000
1730	0.166**	0.200**	0,198***	-0.547**	-0,14***	24	47,710	0,000
1731	0.234**	0.219*	0,285***	-0.795**	-0,18**	21	39,919	0,000
1732	0.042	0.382***	0,228**	-0.629**	-0,19***	24	42,064	0,000
1733	-0.092	0.495***	0,194*	-0.619*	-0,18**	24	34,021	0,000
1734	0.005	0.348**	0,224*	-0.769*	-0,15*	24	27,733	0,000
1735	-0.001	0.275***	0,120	-0.474*	-0,10*	24	30,895	0,000
1736	0.130	0.256**	0,255**	-0.878**	-0,14*	24	33,632	0,000
1737	0.105	0.285**	0,225*	-0.821**	-0,13*	24	31,055	0,000
1738	0.019	0.266**	0,190*	-0.688*	-0,112	24	23,550	0,000
1739	0.054	0.258*	0,227*	-0.823*	-0,112	23	21,099	0,000
1740	0.079	-0,074	0,218	-1.131	0,042	23	4,040	0,401

Таблица 5.
Зависимая переменная - относительная недоимка семигривенному платежу (в % от оклада) в регионе (тобит-модель)

Год	Доля государ- ственн ых и дворцов ых крестья н (от общей численн ости крестья н в регионе)	Рассто- яние до Москв ы (в тысяча х верст)	Индек с Герфи ндаля	Числе нность штата 1 (в тысяча х челове к)	Конста нта	N	Хи- квадра т	PV (хи- квадра т)
1725	0,091	0,006	0,014	-0,286	0,010	27	2,560	0,634
1726	0.248**	0,009	0,131	-0,478	-0,062	28	21,549	0,000
1727	0.209**	0,116	0.157*	- 0.469*	-0,11*	29	34,990	0,000
1728	0.166**	0,103	0.140*	- 0.445*	-0,09*	29	31,524	0,000
1729	0.221**	0.200*	0.190*	- 0.639*	-0,13*	29	38,106	0,000
1730	0.128**	0.142* *	0.126* *	- 0.418* *	- 0,08**	29	42,987	0,000
1731	0.198**	0.213* *	0.191* *	- 0.649* *	- 0,13**	26	40,220	0,000
1732	0,015	0.404* **	0,144	- 0.591*	- 0,14**	29	38,498	0,000
1733	-0,071	0.462* **	0,106	- 0.611*	-0,12*	29	31,376	0,000
1734	0,025	0.328* *	0,128	- 0.708*	-0,092	29	25,340	0,000
1735	-0,015	0.199* **	0,047	- 0.367*	-0,042	29	25,642	0,000
1736	0,110	0.244* *	0,122	- 0.774* *	-0,062	29	29,621	0,000
1737	0,131	0.255* *	0,144	- 0.761* *	-0,087	29	30,679	0,000
1738	0,062	0.213*	0,117	-	-0,061	29	25,800	0,000

		*		0.623*					
				*					
1739	0,063	0.243*	0.224*	-	0.775*	-0,110	28	25,568	0,000
1740	0,176	-0,240	0,241	-1,114	0,078	29	5,305	0,257	

Таблица 6.

Зависимая переменная - относительная недоимка по сорокоалтынному платежу (в % от оклада) в регионе.

Год	Расстояние до Москвы (в тысячах верст)	Численность штата 1 (в тысячах человек)	Константа	N	Хи-квадрат	PV (хи-квадрат)
1725	0.943**	-5,128	-0.52*	26	8,026	0,018
1726	1.378**	-5,559	-0.81*	27	9,466	0,009
1727	1.179***	-5,468	-0.57**	28	11,484	0,003
1728	1.155***	-2.533	-0.64**	28	11,304	0,004
1729	0.897***	-2.588	-0.42**	28	11,792	0,003
1730	0.944***	-2.718	-0.45**	28	11,414	0,003
1731	0.778**	-2.933	-0.35*	25	9,172	0,010
1732	0.951***	-3.144	-0.46**	28	9,855	0,007
1733	1.075***	-2.714	-0.60**	28	9,801	0,007
1734	0.954***	-3.105	-0.46**	28	10,174	0,006
1735	0.947***	-3.095	-0.45**	28	10,604	0,005
1736	0.988***	-3.590**	-0.38**	28	15,226	0,000
1737	0.908***	-3.479**	-0.34**	28	14,384	0,001
1738	0.680**	-2.277	-0.33**	28	9,595	0,008
1739	0.779**	-5.092*	-0.34*	26	9,747	0,008
1740	0.608*	-4.831*	-0.270	27	8,433	0,015

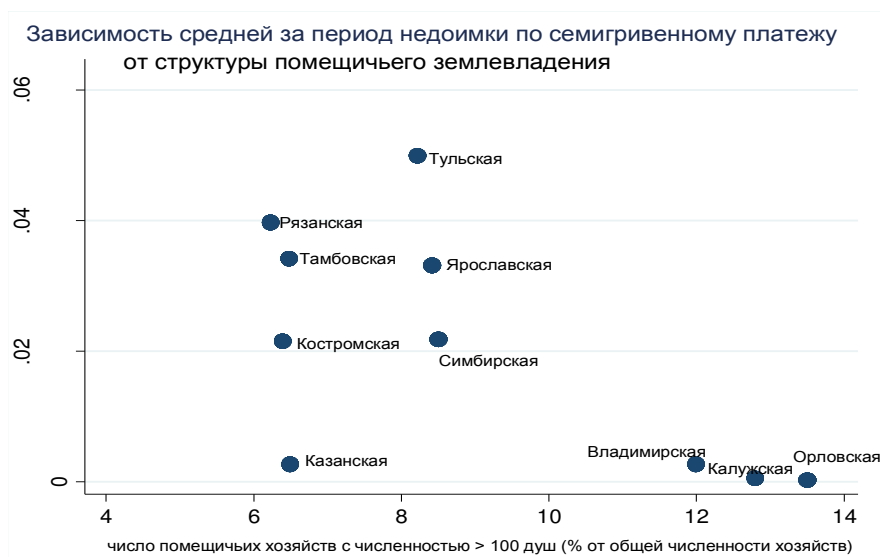
Интерпретация результатов

Роль помещиков. Государственные и дворцовые крестьяне на протяжении первой половины рассматриваемого периода платили податную подать в целом хуже, чем помещичьи, при этом выявленные связи становятся более значимые, если мы объединяем дворцовых и государственных крестьян в одну категорию. Коэффициенты теряют свою значимость, начиная с 1732 года, тогда же когда начинает приобретать значение переменная «расстояние до Москвы». В итоге, мы видим, что за период с 1724 по 1740 гг. растут медианный и средний уровни недоимок по семигривенному и четырехгривенному платежу, и при этом перестает быть значимым показатель соотношения помещичьих и государственных крестьян в регрессиях. Из этого следует, что те регионы, в которых преобладали

помещичьи крестьяне, стали платить также плохо, как и те регионы, где преобладали государственные, иными словами, регионы с большей долей помещичьих крестьян «догнали» к 1740-м годам по уровню недоимок регионы с преобладанием государственных крестьян, и при этом с 1730-х годов в обоих типах регионов недоимки растут. Однако следует понимать, что масштабы этого роста недоимочности остаются весьма скромными: ее уровень все равно остается ниже 10 % (см. график 2). Также необходимо учитывать, что в середине 1730-х годов во многих провинциях Европейской России был голод, что также могло сказаться на росте недоимок.

Одновременно, даже на основании доступных нам неполных данных мы видим, что существует определенная зависимость между структурой помещичьего землевладения и размером недоимок. (график 3)

График 3.

Провинций, по которым, с одной стороны, доступна информация о типах помещиков, а с другой, у нас есть данные по уровню недоимочности, всего 11. Есть три региона с высокой долей крупных помещиков (Калужская, Владимирская, Орловская провинции), в которых недоимки по семигивенному платежу самые низкие (средний уровень недоимок около 1 %). В оставшихся восьми провинциях (Тульская, Костромская, Ярославская, Казанская, Вологодская, Симбирская, Рязанская, Тамбовская провинции), где выше доля мелких помещиков (до 100 душ), недоимки по семигивенному платежу выше (до 6 %).

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что есть некоторые указания на эффективность использования помещиков в качестве налоговых агентов в первые послепетровские годы. На это же может указывать и более высокая собираемость в провинциях, где была выше доля крупных помещиков, которые скорее могли себе позволить при необходимости покрыть из своего кармана недоплату подушной крестьянами. Данные

заклучения носят весьма условный характер и нуждаются в дальнейшем подтверждении. Нуждаются в прояснении также причины некоторого снижения уровня собираемости в период после 1732 года.

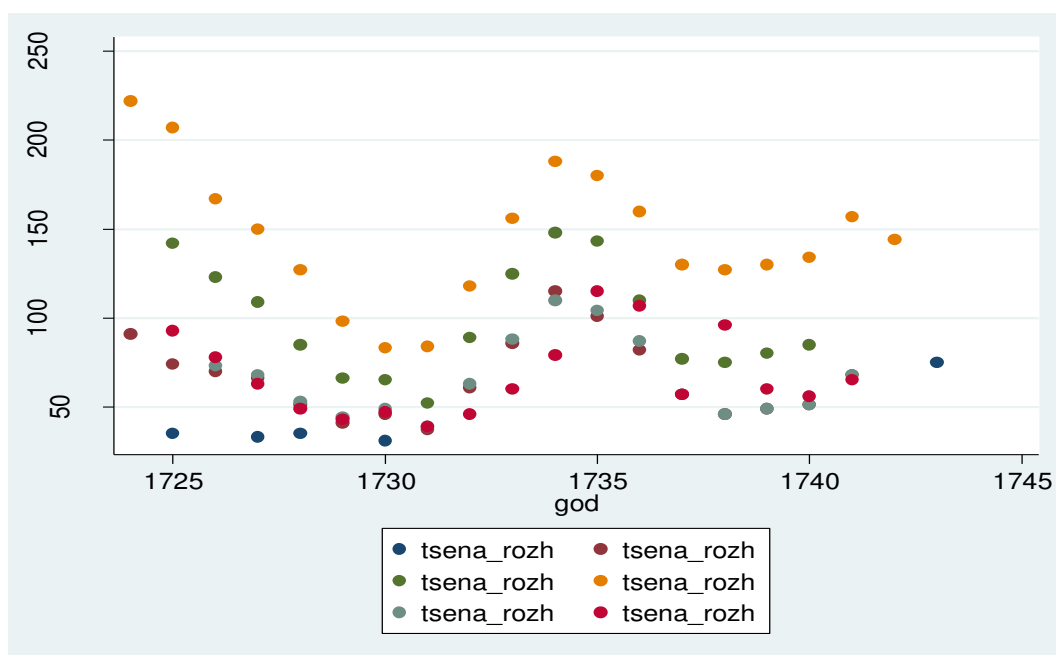
Географический фактор. Проведенный нами анализ показывает, что расстояние до Москвы начинает значимо влиять на уровень собираемости подушной, начиная с 1730 года. (Таблица 3, 4). Чем дальше к окраинам империи, тем ниже собираемость, хотя по своим масштабам влияние этого фактора не настолько существенно, чтобы он мог сдерживать экстенсивное развитие империи.

Административная инфраструктура. Значимым с точки зрения уровня собираемости оказывается также показатель штата: чем больше штат, тем лучше платят. При этом четко прослеживалась связь между численностью податного населения и размером штата, как это и было предусмотрено законом. Таким образом, здесь может играть роль не просто штат, а размеры провинций и уездов. На окраинах плотность населения была меньше, по логике, а деньги возили сами плательщики, что могло сказаться на собираемости в целом.

Уровень платежеспособности (хлебные цены). При анализе связей между недоимками и хлебными ценами возникли сложности, так как цены почти всегда незначимы. В целом, цены на данном отрезке ведут себя синусообразно, повышаясь в начале 1730-х гг., что может быть в связи с неурожаем. Это отражено на графике, причем, как показано выше, кривая изменения уровня собираемости в этот период выглядит совершенно иначе.

График 4.

График изменения хлебных цен.

А в целом недоимки демонстрируют структурный сдвиг в 1731 – 1732 году.

Отдельно стоит сказать об интерпретации Индекса Герфиндаля, который показывает, насколько сильно концентрированы разные типы крестьян. Во всех моделях коэффициент индекса положителен, и чем больше индекс, тем больше недоимка, что может интерпретировать следующим образом: чем более однороден регион по структуре крестьян, тем больше недоимка в данном регионе. Этот индекс - сводный для всех групп, то включая его в регрессию, мы, таким образом, нивелируем факторы, которые могли повлиять на любую из групп крестьян. Чем более однороден регион по структуре крестьян, тем больше недоимка в данном регионе.

Наконец, следует добавить, что наличие у нас данных, как по уездам, так и провинциям, позволяет нам посмотреть, насколько хорошо данные по уездам аппроксимируют данные по провинциям. Высокий уровень аппроксимации будет означать, что факторы, которые определяют динамику недоимочности внутри уезда, определяются некоторыми изменяющимися во времени региональными факторами, действующими на всю провинцию. Во-первых, рассмотрим, близок ли средний уровень недоимочности в уездах одной провинции и в самой провинции. Во-вторых, средний уровень может быть очень разным, но динамика схожая: уровень недоимочности по уездам одной провинции будет изменяться в одном направлении по годам (Приложение 2).

Если взять первоначальные данные по семигивенному платежу, отраженные в Приложении 2, то получим, что дисперсия недоимочности внутри провинций значительно меньше, чем дисперсия недоимок между провинциями до 1731 года, а затем эта тенденция резко ломается, и восстанавливается только к 1740 году. Поэтому возникает вопрос, вызвана ли

такая картина отдельными регионами, портящими тенденцию, или во всех провинциях началось расхождение недоимочности по семигривенному платежу между различными уездами? Для этого посмотрим, что происходит внутри отдельных регионов в интересующие нас переломные годы – в каких именно регионах выросла внутригрупповая дисперсия. Если взглянем на дисперсии недоимок внутри отдельного регионов, то увидим, что до 1731 очень высокий разброс наблюдался в Вологодской провинции, который был вызван очень высоким размером недоимок в Тотемском уезде, который после 1731 года упал. (Приложение 3). Если уберем этот регион из рассмотрения, то получим, что во все рассматриваемые года различия уровней межгрупповой и внутригрупповой дисперсии незначительны. То есть, более правильной будет приведенная ниже таблица, в которой дисперсии недоимок по семигривенному платежу рассчитаны без учета Вологодской провинции, которая, по сути, является выбросом из выборки. (Приложение 4)

В итоге получим, что по семигривенному платежу нет оснований полагать, что показатели уровня недоимочности внутри уездов одной провинции ближе друг другу, чем показатели уровня недоимочности между уездами разных провинций (это закономерность выполняется для всех лет). По четырехгривенному платежу уезды одной провинции ведут себя сходным образом: внутригрупповая корреляция высокая, хотя со временем она несколько и снижается. То есть показатели недоимочности по четырехгривенному платежу в уездах одной провинции ближе друг к другу, нежели к показателям уровня недоимочности уездов других провинций. Таким образом, провинции хорошо аппроксимируют отдельный уезд (см. Приложение 5). Это же верно и в отношении сорокоалтынного платежа (Приложение 6).

7. Заключение.

В рамках данного проекта нами собраны уникальные данные, достаточно полно отражающие ситуацию с собираемостью подушной подати в России второй трети 18 века. Как показывает анализ правительственной документации⁵², господствовавшее в правительственных кругах того времени представление о хронической и глубокой недоимочности было скорее обусловлено существовавшими проблемами в области сбора и обработки информации, в том числе, фискальной отчетности с мест, чем действительно серьезными сложностями со сбором налогов. Во-первых, техническая, на несколько недель или месяцев, задержка с уплатой налогов (а скорее даже, с предоставлением отчетности) отражалась в соответствующей ежегодной ведомости как недоимка и формировала у правительства ощущение острой проблемы, даже если в действительности необходимая сумма по факту практически сразу поступала в казну. Во-вторых, в силу особенностей формирования отчетных ведомостей, раз образовавшаяся недоимка

⁵² Подробнее см. *Корчмина Е.С.* Миллионы государственной казны...

впоследствии могла год за годом отражаться в ведомостях как актуальная, портя отчетность и создавая впечатление, что и все последующие годы также были недоимочными. И политики того времени, и историки, как показывает Корчмина, в своих рассуждениях о высоком уровне недоимочности опираются именно на такие «номинальные», кумулятивные показатели.

Как представляется, установленный нами в данной работе факт высокой – близкой к абсолютной – собираемости подушной подати в послепетровской России может быть интерпретирован двояко. С одной стороны, потенциально рисуется картина, в которой правительство установило достаточно высокое налоговое бремя, и одновременно сумело создать достаточно эффективный фискальный аппарат, позволяющий обеспечить такую собираемость – в том числе, и создав убедительное ощущение неотвратимости принуждения. С другой стороны, возможна картина, в которой правительство пошло на определенный компромисс, отказавшись от максимизации налоговых поступлений, но нащупав некоторый приемлемый для населения компромиссный уровень налогового бремени.

Если возможные интерпретации высокой собираемости подушной подати могут действительно быть сформулированы таким образом, из них следует, как кажется, целый ряд исследовательских вопросов, требующих детального дальнейшего изучения. Ключевой из них, это вопрос о тяжести налогового бремени – как общего, так и собственно подушной подати. На данный момент рост «налогового гнета в несколько раз»⁵³ считается расхожим общим утверждением. Критику этого положение приводит в своей работе М.А. Киселев.⁵⁴ Он считает, что во многом это положение, идущее еще от П.Н. Милюкова, нашло подтверждение в специальном исследовании Е.В. Анисимова о введении подушной подати. В 1982 г. Е.В. Анисимов при подсчете роста прямых налогов на душу м.п. пришел к следующим выводам: «С учетом падения курса рубля за период с 1680 до 1724 г. в 2 раза общая сумма доходов увеличилась в 2,7 раза, а сумма прямых налогов – в 3,7 раза. ... При податном населении России по переписи 1679 г. в 4069 тыс. душ м.п. налоги должны были составлять в 1680 г. 0,15 руб. с души м.п. Средняя величина подушного налога с 5,7 млн. душ м.п. с учетом дополнительных платежей равнялась 0,87 руб. С учетом падения курса рубля в 2 раза налоги возросли в среднем на душу в 3 раза».

Киселев М.А. отдельно отмечает, что такой расчет основан на положении, что за первую четверть XVIII в. стоимость рубля упала в два раза. Источником такого положения является работа В.О. Ключевского изданная еще в 1884 г., но в работе это утверждение рассматривалось всегда как предположение.

⁵³ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006. С. 96. См. также, например: *Gatrell P. The Russian fiscal state, 1600-1914 // The Rise of Fiscal States: A Global History, 1500-1914. Cambridge, 2012. P. 200.*

⁵⁴ Киселев М.А. Работа в печати.

Далее Киселев, обращаясь к более точным данным о хлебных ценах, приведенных в работе Б.Н. Миронова, приходит к выводу, что с 1680 по 1725 г. в среднем на душу м.п. прямые налоги выросли на 25,7 %, если рост цен на овес, то на 90,8 %, если среднюю роста цен на рожь и овес, то на 51,6 %.

Сам Б.Н. Миронов в статье 1991 г. констатировал: «Да, действительно, в момент введения подушной подати тяжесть прямого налога возросла в 2,6 раза. Однако вследствие возрастания сельскохозяйственных цен за первую четверть XVIII в. тоже в 2,6 раза новая подать по существу просто восстанавливала равновесие между налогом и ценами, оставив реальную тяжесть налога на уровне начала XVIII в. Вот этот момент до сих пор не учитывается историками»⁵⁵. Если же учитывать этот момент, то с учетом инфляции рост налогов при Петре отнюдь не выглядит революционным, а государство – столь могущественным.

«Таким образом, результаты увеличения прямых налогов съедались инфляцией».

Можно сказать, что, как кажется, подушная подать привела к установлению относительно высокого уровня налогового бремени. Могут ли эти подсчеты считаться удовлетворительными – другой вопрос; в частности, они исходят из предположений о том, что косвенные налоги ложились исключительно на податное население, а также о равномерности распределения тяжести косвенных налогов среди податного населения. Адекватное понимание тяжести налогового бремени невозможно также без корректной оценки уровня монетизации крестьянского хозяйства (несомненно, меняющейся во времени), а также без сопоставления с аналогичными показателями в других странах. Говоря шире, это ставит вопрос в целом о разработке методологии оценки тяжести налогового бремени в условиях, когда степень монетизации крестьянского хозяйства не является постоянной переменной, а меняется, в том числе, и под влиянием необходимости выплаты налогов.

Существенным является также вопрос о реальном уровне насилия при сборе подушной. Имеющиеся исследования (см., например, Троицкий) фокусируются в целом на «сопротивлении» крестьянства в форме бегства или волнений, которые вовсе не обязательно напрямую связаны именно с налоговым гнетом. Однако постольку, поскольку сформулированные нами исследовательские вопросы касаются именно взаимосвязи между сбором налогов и развитием государственного аппарата, необходимо выяснить, какова была фактическая, «рутинная» частота и интенсивность применения предусмотренного законом принуждения – частота экзекуций, посылки воинских команд, понуждения, постановки на правож и др., – и каких

⁵⁵ *Миронов Б.Н.* Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие // История СССР. 1991, № 1. С. 94. Уже в 2009 г. Б.Н. Миронов утверждал, что «податная реформа 1724 г., вопреки широко распространенному в литературе мнению, привела к уменьшению общего налогового бремени, если иметь в виду денежные и натуральные повинности в совокупности» (Миронов Б.Н. Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. 2009. № 2. С. 143).

кадровых ресурсов это принуждение требовало. Предварительные данные по Переславль-Рязанскому уезду показывают, как кажется, что реальная частота применения мер принуждения и его интенсивность были не слишком высока. Всего можно выделить 3 вида мер фискального принуждения, которые применялись к недоимщикам: посылки солдат, аресты крестьян и аресты владельцев. На основании анализа окладных книг по Переславль-Рязанскому уезду можно говорить о том, что в 24 % случаев к недоимщикам направлялись посылки, в 5 % случаев арестовывали крестьян и в менее чем 1 % случаев арестовывали владельцев.⁵⁶ Это при том, что сам процент недоимщиков был незначителен.

Следует отметить также ряд хорошо известных особенностей механизмов сбора подушной подати, которые приобретают особое звучание в свете поставленных нами вопросов. С одной стороны, правительством был выбран механизм налогообложения, в минимальной степени требующий развития фискальной инфраструктуры. Функция оценки и мониторинга налогооблагаемой базы сводилась лишь к периодическим (в среднем, раз в 15-20 лет) «ревизиям»-переписям податного населения: хотя эта операция и требовала значительного напряжения сил государственного аппарата, она была достаточно нерегулярной чтобы никак не способствовать формированию штата профессиональных кадровых фискальных агентов – наоборот, задача эта решалась за счет временного привлечения неспециализированных кадров из других служб (армии). При этом государство полностью отказывалось от достаточно сложной в административном отношении задачи по оценке имущественного уровня налогоплательщиков, хотя бы через оценку объема и качества доступных им земельных ресурсов. В этом смысле, петровская система была даже «примитивнее» существовавшей в 17 веке, предусматривавшей в той или иной степени оценку налогооблагаемой базы (отнесение угодий к различным категориям качества). Ключевой чертой петровской системы был, в том числе, и полный отказ от формирования специализированного фискального аппарата: сбор прямых налогов осуществлялся с помощью привлекаемого военного персонала и неспециализированных гражданских чиновников.

С другой стороны, ключевую роль в сборе подушной играли механизмы коллективной ответственности. В первые послепетровские десятилетия ответственность за своевременную и полную уплату подушной нес помещик, который мог быть поставлен на правеж, помещен в заключение, даже подвергнут телесному наказанию в случае неуплаты. Также, де-факто коллективную ответственность несли и крестьянские сообщества, производившие внутри себя раскладку подушной с учетом имущественного положения разных домохозяйств: фактически, задача по оценке реального уровня платежеспособности подданных была делегирована короной им самим. При этом, в отличие от ряда западноевропейских

⁵⁶ Корчмина Е.С., Маркевич А.М. Подушная подать и становление государства раннего Нового времени (Случай Переславль-Рязанской провинции). Work in progress.

государств, где сбор налогов также делегировался местным сообществам, петровское правительство отказалось видеть своими контрагентами сообщества местных элит, которые могли бы выстроить собственную фискальную инфраструктуру, включая механизмы и персонал, необходимые в том числе и для более гибкой оценки платежеспособности домохозяйств. Исключением в этом смысле являлись городские общины.

В итоге, складывается достаточно парадоксальная ситуация, когда *правительство достаточно бедной, и в абсолютных, и в относительных терминах страны могло изымать у населения через прямые налоги суммы, позволяющие содержать одну из самых больших в Европе постоянных армий, но при этом, с одной стороны, судя по предварительным данным, не сталкивалось с необходимостью массового принуждения, а с другой, могло себе позволить вовсе отказаться от строительства профессионального фискального аппарата.* Более того, государство могло позволить себе вовсе не заботиться о контроле над собственными агентами – в устройство фискальной системы было не заложено никаких механизмов, которые позволяли бы как-то ограничивать или хотя бы примерно оценивать объем ресурсов, собираемых его агентами дополнительно в свой карман.

Возможно, предварительно предположить, что разгадка данного парадокса может быть связана с высокой легитимностью налоговых претензий государства в глазах населения, однако этот аспект российской фискальной истории пока совершенно не изучен. Отчасти дело может быть в относительной дешевизне российской армии – мы не знаем в точности, как соотносились в абсолютных и в относительных терминах «стоимость» одного российского и одного французского или прусского полка и как различались структура расходов на них; исходя из общих соображений, можно предположить, что в России гораздо более дешевыми (бесплатными) были собственно солдаты, но здесь конечно следует учитывать, что и сама рекрутчина была по факту разновидностью налога, который также надо было собирать. Внимательному изучению подлежит и реальная тяжесть налогового бремени, а также источники, из которых финансировались экстраординарные военные расходы на протяжении 18 века.

Список литературы и источников.

Список источников.

РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 915,

РГВИА. Ф. 393. Оп. 4. Д. 7, 11, 12, 215, 216, 221, 223, 227, 229, 233, 234, 236, 238, 240, 242, 254, Оп. 5. Д. 19, 22, 74, 78. Ч. 1. 2, 246, 552, 570, 777.

Список литературы.

1. Acemoglu D. Politics and economics in weak and strong states, *Journal of Monetary Economics*, Volume 52, Issue 7, October 2005, 1199–1226;
2. Acemoglu D., Ticchi D., Vindigni A. Emergence and Persistence of Inefficient States, *Journal of the European Economic Association*, 2011, 9: 177–208.
3. Besley T., Persson T., *State Capacity, Conflict and Development*, *Econometrica*, 78, 1-34, 2010.
4. Besley T., Persson T., *The Origins of State Capacity: Property Rights, Taxation and Politics*, *American Economic Review*, 99(4), 1218-44, 2009;
5. Besley T., Torsten P. Wars and State Capacity, *Journal of the European Economic Association* 6, 2008b 522-530.
6. Black J. *A military revolution?: Military change and European society, 1550-1800*, (Humanities Press, 1991);
7. Black J., *Military Organizations and Military Change in Historical Perspective*, *Journal of Military History*, 62, 4 (Oct., 1998), 871-892.
8. Bogatyrev S., *Localism and Integration in Muscovy*, in S. Bogatyrev (ed.), *Russia Takes Shape* (Helsinki, 2005);
9. Brautigam D., Odd-Helge Fjeldstad, and Mick Moore. *Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
10. Brewer J. *The Sinews of Power: War and the English State, 1688-1783*. London: Hutchinson, 1988.
11. Brian D. Taylor and Roxana Botea, *Tilly Tally: War-Making and State-Making in the Contemporary Third World*, *International Studies Review* (2008) 10, 27–56.
12. Brian M. Downing, *The military revolution and political change: origins of democracy and autocracy in early modern Europe* (Princeton University Press, 1992);
13. Centeno M. A. *Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America*. University Park, Pa: Pennsylvania State University Press, 2002.
14. Chester L. Dunning, N. S. Smith, *Was Early Modern Russia a Fiscal-Military State?*, *Russian History* 1 (2006), 19- 44.
15. Chester. L. Dunning, *Russia's First Civil War. The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty*, Pennsylvania State University, 2001.
16. Dincecco M., Federico G., Vindigni A. Warfare, Taxation, and Political Change: Evidence from the Italian Risorgimento, *Journal of Economic History*, Vol. 71, No. 4, December 2011.
17. Dincecco M., *Political Transformations and Public Finances: Europe, 1650-1913*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

18. Eltis D., *The military revolution in sixteenth-century Europe* (I.B.Tauris, 1998). Frost R., *The northern wars: war, state, and society in northeastern Europe, 1558-1721* (Longman, 2000).
19. Gábor Á. *Guns for the sultan: military power and the weapons industry in the Ottoman Empire* (Cambridge University Press, 2005).
20. Gatrell P. *The Russian fiscal state, 1600-1914 // The Rise of Fiscal States: A Global History, 1500-1914*. Cambridge, 2012.
21. Glete J., *War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal-military States, 1500-1660* (Routledge, 2001)
22. Gunn S., Grummitt D., Cools H. *War and the State in Early Modern Europe: Widening the Debate*, *War in History* 2008 15 (4).
23. Hoffman Philip T., John-Laurent Rosenthal, *The Political Economy of Warfare and Taxation in Early-Modern Europe: Historical Lessons for Economic Development*, *Frontiers of the New Institutional Economics*,
24. Huang R., *The Ming Fiscal Administration*, in *The Cambridge History of China*, edited by J. K. Fairbank and D. C. Twitchett Cambridge, Cambridge University Press, 1998), vol. 8:106-171.
25. Hui V.T., *War and State Formation in Ancient China and Early Modern Europe*. New York NY: Cambridge University Press, 2005.
26. Joel S. Migdal, *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988.
27. Jos J. L. Gommans, *Mughal warfare: Indian frontiers and highroads to empire, 1500-1700* (Routledge, 2002);
28. Kahan A., *The Plough, the Hammer, and the Knout*, 1985, 320-321.
29. Karama K., Pamuk Ş. *Different Paths to the Modern State in Europe: The Interaction Between Warfare, Economic Structure, and Political Regime*. *American Political Science Review*, 2013, 107, pp 603-626.
30. Kotilaine Jarmo, Marshall Poe, eds., *Modernizing Muscovy: reform and social change in seventeenth-century Russia* (Routledge, 2004).
31. Levi M. *Of Rule and Revenue*, University of California Press, 1988.
32. Lohr E., Marshal Poe, eds., *The Military and Society in Russia 1450-1917* (Leiden, 2002);
33. MacGregor Knox, Williamson Murray, *The dynamics of military revolution, 1300-2050* (Cambridge University Press, 2001);
34. Nexon D. *War Made the State and the State Made War*, Duck of Minerva [Internet] on 2013 June 03 – [cited 2013 November 4]. Available at <http://www.whiteoliphaunt.com/duckofminerva/2013/06/war-made-the-state-and-the-state-made-war.html#ret202>
35. Parker G. *The "Military Revolution," 1560-1660- a Myth?*, *Journal of Modern History*, 48, 2 (Jun., 1976), 195-214;
36. Parker G. *The military revolution: military innovation and the rise of the West, 1500-1800* (Cambridge University Press, 1996);
37. Paul Michael C., *The Military Revolution in Russia, 1550-1682*, *Journal of Military History*, 68, 1 (January 2004) 9-45;

38. Rogers Clifford J., *The military revolution debate: readings on the military transformation of early modern Europe* (Westview Press, 1995);
39. Schumpeter, J. A. (1918) *The Crisis of the Tax State*. Graz, Leipzig : Leuschner and Lubensky;
40. Storrs C. (ed.), *The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: Essays in Honour of P.G.M. Dickson* (Farnham, England: Ashgate, 2009),
41. Tallett F., *War and society in early-modern Europe, 1495-1715* (Routledge, 1997)
42. Thies, C. G. War, Rivalry, and State Building in Latin America. *American Journal of Political Science* 49: 2005, 451–465;
43. Thies, Cameron G. State Building, Interstate and Intrastate Rivalry: A Study of Post Colonial Developing Country Extractive Efforts, 1975–2000. *International Studies Quarterly* 48: 2004, 53–72.
44. Thompson I.A.A., *War and Government in Habsburg Spain, 1560–1620* (London, 1976).
45. Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, A.D. 990-1990* (Blackwell, 1990).
46. Tilly C., War Making and State Making as Organized Crime, in *Bringing the State Back In*, Peter B. Evans, Dietrich Rueschmeyer, Theda Skocpol, eds., (Cambridge University Press, 1985): 169-191;
47. Velychenko S. The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* , Neue Folge, Bd. 49, H. 3 (2001), pp. 346-362
48. Wirtschafter E.-K. *Social Identity in Imperial Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997;
49. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719-1728 гг. Л., 1982.
50. Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. *История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006.*
51. Корчмина Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати 1720-х – 1760-х годов// *Российская история*, 2013, 5. С. 77 – 91.
52. Миронов Б.Н. Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие // *История СССР*. 1991, № 1.
53. Миронов Б.Н. Модернизация имперской России и благосостояние населения // *Российская история*. 2009. № 2.
54. Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. СПб., 1999.
55. Троицкий С.М. *Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке*. М, 1956.
56. Шепукова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половины XIX вв.// *ЕАИВЕ*, 1963. Вильнюс, 1964. Таблица 1. С. 402 – 419.

Приложения.

Приложение 1.

Размер недоимок в абсолютных цифрах по губерниям с 1747 по 1762 год.⁵⁷

Губерния	Недоимки (руб.)
Московская	48244,54
Нижегородская	794,51
Новгородская	5017,88
Смоленская	7169,35
Белгородская	52673,88
Воронежская	5172,1
Казанская	30786,03
всего	149858,29

Приложение 2.

Связь уровня недоимок по уездам и провинциям по семигруппному платежу.

Год	Межгрупповая	Внутригрупповая	Суммарная	F(p-value)	N	Intraclass correlation
1724	.00889	.01417497	.02306284	0.3971	18	0.46922
1725	.08304212	.0558221	.13886422	0.0182	22	0.05764
1726	.15935446	.1177031	0.0133	0.0133	24	0.45661
1727	.082006	.064173	.14618007	0.0169	24	0.43709
1728	.07468277	.05548933	.13017209	0.0136	24	0.45462
1729	.11802033	.08149387	.1995142	0.0100	24	0.47903
1730	.03439391	.04240364	.7679755	0.0828	24	0.27779
1731	.06509732	.06932418	.1344215	0.0905	19	0.31630
1732	.02558154	.13038747	.15596901	0.7591	24	
1733	.02984486	.21000236	.23984722	0.8671	23	0.00000
1734	.06044896	.43937174	0.00000*	0.8893	24	0.00000
1735	.03300797	.2097311	.24273907	0.8552	23	0.00000
1736	.07557172	.42326236	.49883408	0.7955	24	0.00000*
1737	.03648123	.06258685	0.09906809	0.2240	23	0.14642
1738	.04656977	.37081667	.41738644	0.8966	24	0.00000*
1739	.04656977	.37081667	.41738644	0.8966	24	0.00000*
1740	.80512339	.64885205	1.4539754	0.0190	24	0.42707

⁵⁷ Там же. С. 1 об.

1741	.05356026	.01131249	.06487274	0.0048	11	0.00000

Приложение 3.

На таблице ниже Вологодская провинция – это группа 1, в ней дисперсия в 0.22 против средней в 0.08

d_pr_prov	Summary of otn_ned_semigr		
	Mean	Std. Dev.	Freq.
1	.22588089	.22018113	2
2	.04279115	.03433161	4
3	.00276584	.00114502	2
4	.05275792	.0680133	4
5	.0369469	.03144392	4
7	.05776397	.01522451	3
Total	.06108259	.08641679	19

Приложение 4.

Связь уровня недоимок по уездам и провинциям по семигивенному платежу на обрезанной выборке, без Вологодской провинции.

Год	Межгрупповая	Внутригрупповая	Суммарная	F(p-value)	N	Intraclass correlation
1724	.008411326	.0104978	.018909126	0.2456	16	0.19420
1725	.00089451	.00121169	.0021062	0.1307	20	0.24660
1726	.00617431	.01257587	.01875018	0.2244	22	0.13632
1727	.00373827	.00842068	.01215895	0.2698	22	0.10414
1728	.00184232	.00761252	.00945484	0.5821	22	0.00000*
1729	.01384422	.00875097	.02259519	0.0057	22	0.52892
1730	.00925395	.02253419	.03178814	0.3073	22	0.07988
1731	.00439013	.02084445	.02523458	0.6493	17	0.00000
1732	.01937979	.1258173	.1451971	0.7769	22	0.00000*
1733	.02983993	.20975252	.23959245	0.8035	22	0.00000*
1734	.06038718	.43842982	.498817	0.8323	21	0.00000*
1735	.03217809	.20971853	.24189662	0.7996	21	0.00000*
1736	.0659248	.40783619	.47376099	0.7596	22	0.00000*
1737	.00880534	.04316699	.05197233	0.6925	21	0.00000*
1738	.04328846	.36341561	.40670407	0.8543	22	0.00000*
1739	.01264817	.10976172	.12240989	0.8771	21	0.00000*
1740	.80508394	.64752503	1.452609	0.0155	22	0.45153
1741	.00257436	.00910923	.01168359	0.4739	9	0.00000*

Приложение 5.

Связь уровня недоимок по уездам и провинциям по четырехгривенному платежу.

Год	Межгрупповая	Внутригрупповая	Суммарная	F(p-value)	N	Intraclass correlation
1724	.44525353	.09757284	.54282637	0.0058	16	0.72956
1725	.87783442	.06067077	.93850519	0.0000	17	0.90831
1726	.96890453	.17939666	1.1483012	0.0007	18	0.78200
1727	.42620681	.09447569	.5206825	0.0015	18	0.74555
1728	.60380725	.01866821	.62247546	0.0000	18	0.95917
1729	1.0325885	.11147134	1.1440598	0.0001	18	0.86561
1730	.52248139	.01487929	.53736068	0.0000	18	0.96232
1731	.85416623	.03521749	.88938372	0.0001	13	0.93948
1732	.84545326	.04970667	.89515993	0.0000	18	0.92403
1733	.76604739	.08717092	.85321831	0.0001	18	0.85895
1734	.77351593	.08048366	.85399959	0.0000	18	0.87009
1735	.37580413	.05824589	.43405002	0.0003	18	0.81357
1736	.69089851	.07450751	.76540602	0.0001	18	0.86573
1737	.42219776	.13289798	.55509574	0.0060	18	0.66034
1738	.39674863	.15922593	.55597456	0.0145	18	0.58981
1739	.39409369	.17266691	.5667606	0.0195	18	0.56203
1740	.39672309	.19506405	.59178714	0.0284	18	0.52372
1741	.03469695	.01619519	.05089214	0.2738	7	0.41370

Приложение 6.

Связь уровня недоимок по уездам и провинциям по сорокоалтынному платежу.

Год	Межгрупповая	Внутригрупповая	Суммарная	F(p-value)	N	Intraclass correlation
1724	.28112642	.21309272	.49421914	0.0899	16	0.38887
1725	.31105869	.42815085	.73920954	0.2398	17	0.17730
1726	.34075545	.37400286	.7147583	0.2181	18	0.21145
1727	.44406349	.30932348	.75338697	0.0781	18	0.39496
1728	.37303988	.20470372	.57774361	0.0399	18	0.48357
1729	.33781114	.16487927	.50269041	0.0278	18	0.52437
1730	.31613415	.13696082	.45309497	0.0188	18	0.56383
1731	.29706361	.14810834	.44517195	0.0696	14	0.49463
1732	.23946439	.14803406	.38749844	0.0565	18	0.44017
1733	.24246091	.13470066	.37716157	0.0414	18	0.47917
1734	.26020581	.16024755	.42045337	0.0559	18	0.44158
1735	.26074192	.18976958	.4505115	0.0875	18	0.37795
1736	.24600647	.44203422	.68804069	0.4607	18	0.00806
1737	.23333209	.43274504	.66607712	0.4777	18	0.00000*

1738	.16796177	.1259019	.29386366	0.0943	18	0.36641
1739	.1712225	.30581651	.47703901	0.4575	18	0.01047
1740	.14462251	.30999482	.45461733	0.5549	18	0.00000
1741	.11028994	.0099708	.12026074	0.0125	8	0.87765